ИСТОРИЯ НАУКИ

С.Б. БУЙСКИХ

СЛОЖЕНИЕ, ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ХОРЫ В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ

Часть II. «Хора Борисфена» или «хора Ольвии»? Разработка проблемы киевской школой антиковедения в последней трети XX ст.[1]

Памяти В. В. Лапина

Рассмотрение различных аспектов сложения античной хоры Нижнего Побужья в общем контексте колонизационного процесса в нашей историографии последней трети XX ст. проходило в рамках двух основных направлений [Буйских, 2008, с. 25], получив в ней широкое освещение.

Разработка указанных проблем осуществлялась, главным образом, представителями трех ведущих школ восточноевропейского антиковедения – киевской, московской и ленинградской (петербургской). Для удобства изложения, возможности проведения более глубокого сравнительно-ретроспективного анализа различных мнений и позиций, выработанных исследователями трех этих крупнейших научных центров бывшего СССР (а ныне – СНГ), а также, учитывая значительный объем информации, содержащейся в их трудах, развитие представлений о хоре Борисфена – Ольвии в 70 – 90-е гг. XX ст. будет рассмотрено нами (за некоторыми необходимыми исключениями), не по традиционному хронологическому принципу, а по каждому из указанных центров – с как можно более детальным изложением позиций всех тех исследователей, которые приняли участие в общей дискуссии по рассматриваемой проблеме. Данная часть нашей работы посвящена освещению истории разработки проблемы раннеантичной хоры в Нижнем Побужье представителями киевской школы антиковедения.

x x x

Киевская школа. В сложении концепции возникновения раннеантичной хоры, формирования Ольвийского полиса и протекания процесса греческой колонизации Нижнего Побужья в целом, для киевской школы антиковедения определяющую

---

[1] См.: *Буйских С.Б.* Сложение, принадлежность и ранние этапы развития античной хоры в Нижнем Побужье. Часть I. Появление темы и основные аспекты ее решения в 1940-е – середине 1970-х гг. // БИ. – 2008. – Вып.XIX. – С. 13-32.

В.В. Лапин на о. Березань, 1978 г.

методологическую роль, как нам представляется, сыграли труды Владимира Васильевича Лапина (1928-1981), о чем уже говорилось в 1-й части нашей работы [Буйских, 2008, с. 21]. Все основные черты, отмеченные исследователем как наиболее характерные для колонизации и Нижнего Побужья и всего Северного Причерноморья (аграрно-ремесленная направленность, относительная стихийность, единовременность, односторонний характер и массовость процесса, социальная однородность движущих сил и т.д.) и раскрытые им в работах 60 – начала 70-х гг. [Лапин, 1963; 1963 а; 1966; 1971; 1975], получили затем дальнейшее развитие в последующих исследованиях киевской школы середины 70 – 90-х гг., а также в работах ученых других научных центров.

В этом плане большое значение имела фундаментальная работа В.В. Лапина «Березань и проблемы генезиса античной северо-причерноморской цивилизации» [Лапин, 1978]. Здесь ученый подводил качественные итоги своих многолетних, полевых и кабинетных, исследований, представив оригинальное видение процесса колонизации Северного Причерноморья (на примере ольвийско-березанского региона) и дальнейшей трансформации принесенной сюда греческой культуры в одну из своеобразнейших (и во многом реликтовых) ветвей развития античной цивилизации.

Под «северопричерноморской античной цивилизацией» В.В. Лапин понимал устойчивую этнографическую общность, относящуюся к единому древнегреческому этническому пласту, но имеющую свое своеобразие, выражающееся в единстве происхождения и последующей социально-политической истории и характеризующуюся относительной изолированностью, удаленностью от эпицентра греческой цивилизации. Основную черту, определяющую эту этнографическую общность, В.В. Лапин усматривал в наличии множества реликтов материальной и духовной культуры состояния протогреческого этноса, которое предшествовало сложению общегреческого койнэ [Лапин, 1975, с. 101; 1978, с. 3-4; 252 сл., 306 сл.]. В тезисном плане эта проблема была заявлена в 1975 г. [Лапин, 1975], в виде монографии работа была сдана в печать в декабре 1976 г. и должна была выйти в свет весной 1978 г.

Однако, как известно, свое «видение» советской исторической наукой тех лет тогда не приветствовалось. После отрицательно воспринятой первой книги В.В. Лапина «Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966» [см.: Захарук, 1968; Тереножкин, 1968; Шелов, Брашинский, 1969] было сделано всё, чтобы его вторая книга не была опубликована. И монографию, которая открывала

оригинальные подходы в решении актуальных проблем античной археологии, истории и культуры Причерноморья, просто зарубили. После серии закрытых «черных» рецензий, незамедлительно последовали соответствующие указания, и полностью готовый типографский набор книги рассыпали, а два машинописных экземпляра, что находились в издательстве – уничтожили. Новый вариант рукописи, предложенный В.В. Лапиным в декабре 1978 г., там не приняли. Прямо или косвенно, но это, безусловно, сказалось на судьбе самого В.В. Лапина – 19 апреля 1981 г. его унесла неожиданная и до сих пор остающаяся крайне загадочной смерть…

К счастью, в личном архиве В.В. Лапина сохранились еще один машинописный экземпляр работы и альбом иллюстраций к ней, которые были переданы на хранение в Научный архив Института археологии АН УССР [Станицына, 1998, с. 23], став доступным и для знакомства широкому кругу исследователей[2]. И постепенно произошло то, чего никто не мог ожидать – неизданный и фактически запрещенный труд, тем не менее, стал заметным явлением и непреложным фактом историографии. Без ссылок на него не обходилось в 80 – 90-е гг. и не обходится сейчас ни одна сколь-нибудь серьезная работа как по общим вопросам колонизации Северного Причерноморья, так и по отдельным сторонам материальной и духовной культуры античных причерноморских государств, не говоря уже об исследованиях Ольвии и Березани. Вопреки превентивным мерам, идеи В.В. Лапина пришли в науку, были восприняты ею и живут в ней теперь полнокровной жизнью. В силу этого мы считаем необходимым привести здесь основные концептуальные положения из книги В.В. Лапина 1978 г., непосредственно имеющие отношение к рассматриваемым в нашей статье вопросам.

В заключительной главе своей работы В.В. Лапин [1978, с. 252-305] подробно останавливается на характеристике двух основных подходов в решении проблемы греческой колонизации. Первый из них, по его словам, четко определившийся еще во второй половине XIX в., заключается в представлении греческой колонизации как «продукта торговой деятельности экономически наиболее развитых греческих полисов» [Лапин, 1978, с. 252]. Схема развития греческой колонизации,

[2] К сожалению, это имело и свою обратную сторону – работу В.В. Лапина просто растаскали как в прямом, так и в переносном смысле, не всегда чистые на руку ее читатели. Помимо прямых заимствований, на сегодняшний день имеет место отсутствие некоторых частей работы и полная утрата всех иллюстраций. Но даже в таком виде монография В.В. Лапина, отнюдь не утратившая со временем свою актуальность, заслуживает публикации в полном объеме. Сейчас другие времена, и будем надеяться, что книга В.В. Лапина в конце–концов увидит свет. Нет смысла пересказывать ее содержание, ее нужно читать целиком. Скажем только, что структурно она состоит из Предисловия, 7 отдельных исследовательских глав и Заключения. Во введении В.В. Лапин определяет основную задачу своей работы – показать, что дает Березань в плане изучения проблем становления и развития античной северопричерноморской цивилизации и определяет круг этнизирующих источников, позволяющих с наибольшей полнотой раскрыть ее специфические черты. Главы монографии имеют следующие названия: 1. Очерк историографии; 2. Вопросы топографии и геологии; 3. Строительные сооружения; 4. Некрополь. Погребальный обряд; 5. Лепная керамика; 6. Письменность; 7. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации.

исходя из такой концепции, представлялась ее сторонникам как процесс медленного проникновения греков в аборигенную этническую среду путем организации сначала временных, затем постоянных торговых факторий (эмпориев) с последующим преобразованием их в торговые города и даже города аграрно-ремесленного профиля [Лапин, 1978, с. 258]. Поскольку торговля – процесс двусторонний, то и колонизация в соответствии с этим подходом рассматривалась как «процесс двусторонний, обусловленный не только внутренним развитием греческого общества, но и соответствующим развитием обществ, в районы обитания которых устремлялся колонизационный поток» [Лапин, 1978, с. 253]. Таким подходом к проблеме колонизации, подчеркнул В.В. Лапин, определяется и решение проблематики, связанной с генезисом античной северопричерноморской цивилизации. Он предусматривает «изначальный симбиоз греков и варваров», взаимозависимость которых ведет к созданию органически единой греко-варварской культуры, шире – греко-варварской цивилизации [Там же, с. 253]. Добавим, что такой подход, как известно, был характерен для советской археологической науки 40 – 50-х гг. Правда, некоторые исследователи продолжают оставаться в плену подобных идей до сих пор.

Суть другого подхода к проблеме состоит, по В.В. Лапину, в признании того, что «греческая колонизация являлась продуктом имманентного развития древнегреческого общества в период становления классового общества и оформления полисного строя» и была ярким проявлением действовавшего в античном мире закона народонаселения [Там же, с. 254]. Именно в силу своей имманентности двусторонне обусловленным процессом колонизация не являлась. «Негреческие общества, в районы обитания которых устремлялся колонизационный поток, их экономический и социальный уровень по отношению к процессу колонизации играли внешнюю роль и не являлись источником его импульсов» [Там же, с. 255-256]. При таком подходе, считал В.В. Лапин, греческая колонизация должна рассматриваться не иначе как «явление подлинно массовое, народное, развертывающееся широким фронтом и распространяющееся на сравнительно обширные районы. Уже сама эта массовость должна была приводить к безусловному и изначальному доминированию греческого этнического элемента в районах расселения» [Там же, с. 256]. Процессов взаимодействия и взаимовлияния с местным населением В.В. Лапин не исключал, но подчеркивал, что «в таком взаимодействии греческий элемент выступает не как конгломерат индивидуумов, а именно как коллектив, как устойчивая этническая и социальная определенность» [Там же, с. 256]. Наконец, в силу того, что периодические эмиграции населения отражали действия закона регуляции народонаселения, В.В. Лапин допускал возможность не одного, а нескольких хронологически разделенных по времени колонизационных импульсов в районы расселения [Там же, с. 256].

Изложив базисные, общетеоретические основы второй концепции в деле изучения греческой колонизации, В.В. Лапин далее продолжал разрабатывать ее, уже опираясь на конкретную ситуацию в березанско-ольвийском

регионе. Это место из его работы имеет смысл привести здесь целиком, выделив курсивом наиболее важные моменты.

«*Исследования последних десятилетий в районе Нижнего Побужья,* - писал В.В. Лапин, - *дают основания рассматривать открытые здесь ранние поселения как* ***греческие,*** *непосредственно связанные с Ольвией своим происхождением, своей экономической и политической жизнью.* Вырисовывается картина колонизации, во многом противоположная той, которая следует из теории торговой колонизации: *вместо медленного проникновения, вместо постепенной диффузии в туземную среду – акт более или менее единовременного овладения сравнительно широким районом.* С наименьшей определенностью, чем в районе Нижнего Побужья, интенсивность расселения греков прослеживается в другом крупнейшем узле колонизации Северного Причерноморья – на Боспоре.

Отмеченная особенность может считаться типичной для Северного Причерноморья в целом. В этом нашло выражение требование определенной количественной нормы переселенцев, необходимой для основания колоний. *Заселение греками Северного Причерноморья осуществлялось не путем постепенного просачивания в аборигенную среду. Оно было процессом более или менее единовременным.* Как показывают новейшие исследования архаической Ольвии, на этом начальном этапе существования (античной северопричерноморской – С.Б.) цивилизации говорить о городах, в обычном понимании этого термина, вряд ли возможно. Отличие городов от сельских поселений на этом этапе не столько качественное, сколько количественное. Города не были единственными и изолированными поселения греков. Одновременно с ними возникали и сельские поселения. *Именно возникновение этих сельских поселений и являлось основным содержанием имманентного колонизационного процесса.* Город еще находился в процессе становления: ряд мелких поселений группируется вокруг одного, более крупного. Завершающий этап оформления города мыслится нами как синойкизм этих поселений. Другими словами, *возникновение и оформление города и его хоры – это естественный двуединый процесс, растягивающийся во времени на десятилетия. Город и хора представляли собой единство экономической и социальной жизни.* Если можно говорить о противоположности между городом и деревней, то в основном она выражалась в некоторой специализации, преобладании ремесла в первых и сельского хозяйства во вторых, противоположность эта и находится в процессе становления: жители города еще тесно связаны с землей, а село имеет еще и ремесла, включая и металлообработку.

Такова вторая концепция греческой колонизации Северного Причерноморья в ее позитивном изложении» [Лапин, 1978, с. 261-262].

Таким образом, по В.В. Лапину, античные сельские поселения Нижнего Побужья ко времени колонизации своим происхождением, а также политически и экономически были неразрывно связаны с Ольвией. Что же в таком случае, являла собой Березань, и каков был характер ее взаимоотношений с Ольвией? «Мы можем говорить, - пишет В.В. Лапин, - о зависимости Березани

от Ольвии, но зависимости прямой, зависимости родственных, а не противоборствующих поселений» [Лапин, 1978, с. 276]. В сложном вопросе о статусе ранней Березани в этой работе исследователь, видимо, точки не поставил. С одной стороны, он горячо выступил против т.н. эмпориальности ранней Березани, считая ее не эмпорием [Там же, с. 259], а обычным колонизационным поселением производящего аграрно-ремесленного профиля [Там же, с. 268, 269]. «С другой стороны, - писал В.В. Лапин, - трудно представить большой и сложный общественно-экономический организм, подобный Березанскому поселению…, лишенным хотя бы элементарных форм самоуправления, а следовательно и зачатков государственности» [Лапин, 1978, с. 259].

В плане же наличия или отсутствия у Березанского поселения собственной аграрной территории большой интерес представляет предложенная В.В. Лапиным реконструкция палеогеографических условий района Березани в эпоху колонизации. Как известно, в первой своей книге В.В. Лапин, вслед за С.Д. Пападимитриу, отстаивал мнение о полуостровном положении Березани во время греческой колонизации региона [Лапин, 1966, с. 128-137]. Однако, в рассматриваемой работе он привел целый ряд оригинальных соображений и фактов в пользу того, что Березанское поселение было основано и располагалось в архаическое время в излучине речной долины [Лапин, 1978, с. 80-81]. Долина эта была образована слиянием Тузлинской долины с долиной р. Березани и фактически полуостровом не являлась. «Отсюда следует, - делает вывод В.В. Лапин, - что географическое положение Березанского поселения было принципиально иным, чем представляется сейчас… Дело не только в том, что *поселение получает собственную достаточно обширную сельскохозяйственную территорию* [курсив наш – С.Б.], обеспечивавшую ему экономическую независимость. Поселение обретает условия, типичные для всех греческих поселений Нижнего Побужья. Оно превращается в «приречное», «приливанное» поселение, обращенное к материку, а не к морю, расположенное внутри небольшого лимана, а не на крупной водной магистрали, в сравнительном уединении от места следования морских судов… Будучи расположенным в излучине речной долины… поселение попросту было скрыто от этих кораблей высоким (не менее 30 м) берегом…» [Лапин, 1978, с. 81]. Крайняя южная точка этого участка суши, в котором нынешний березанский останец составлял одно целое с материковым берегом в районе Рыбаковского мыса, находилась, по В.В. Лапину, примерно в 1 км южнее современного острова; юго-западный его берег был обращен непосредственно к морю. Восточный же выходил в сторону неширокого лимана, располагавшегося в устье Тузлинско-Березанской долины [Там же].

Построения В.В. Лапина спорны, и вместе с тем, неожиданны и интересны. В задачу нашей статьи, однако, не входит критический разбор достоинств или недостатков его палеогеографической реконструкции. Для нас здесь важно другое – В.В. Лапин в данной работе повторил мысль о возможном наличии у Березани собственной (и даже «обширной») сельскохозяйственной территории, высказанную им раньше, в первой своей монографии [Лапин, 1966, с. 183].

В дальнейшем первым, кто в научной печати 70 – 90-х гг. XX ст. снова заговорил о возможности существования хоры Березанского поселения, также был ученый киевской школы – В.М. Отрешко. Удивительный факт, но как в свое время В.В. Лапин [1966, с. 183] поднял этот вопрос лишь спустя десять лет после того, как он был в весьма предположительной форме поставлен Л.М. Славиным [Славін, 1956, с. 161], так и В.М. Отрешко снова вернулся к нему так же ровно через десять лет после выхода в свет первой монографии В.В. Лапина, т.е. в 1976 г.

В краткой публикации, подводившей первые итоги исследования архаических поселений побережья Березанского лимана, В.М. Отрешко пришел к выводу о том, что в силу своего географического расположения эта локальная группа памятников эпохи греческой колонизации Нижнего Побужья была экономически и политически связана с Березанью [Отрешко, 1976, с. 33]. Развивая мысли предшественников, он счел возможным рассматривать эти поселения «как своего рода сельскохозяйственную округу Березани» [Там же]. Существенно, что при этом исследователь подчеркнул – «вместе с Березанью данные поселения, очевидно, должны были входить в состав Ольвийского государства» [Там же].

Немного позднее в другой работе В.М. Отрешко писал, что колонизация Нижнего Побужья, в которой он выделил два последовательных этапа, скорее всего, «проходила в рамках единого политического образования, центром которого первоначально была Березань, а затем Ольвия» [Отрешко, 1979, с. 151]. На первом этапе (вторая половина VII – начало VI вв. до н.э.) существовала только Березань, а на протяжении второго (первая половина VI – первая четверть V вв. до н.э.) по берегам лиманов и Черноморского побережья возникают многочисленные населенные пункты, охватившие сравнительно обширные территории [Там же, с. 151-152]. Хронологически первым после Березани в начале VI в. до н.э. появляется Ягорлыцкое поселение, а несколько позднее его, во второй четверти VI в. до н.э. возникают греческие аграрные поселения и в Очаковской степи [Там же, с. 154]. В течение второй – третьей четвертей VI в. до н.э. поселения занимают низовья Березанского, правый берег Днепро-Бугского и оба берега Бугского лиманов. До последней трети VI в. до н.э. экономическим, религиозным и политическим центром Нижнего Побужья была Березань, Ольвия же из общей массы поселений ничем не выделялась.

Функции главного центра региона переходят к ней только после указанного времени, о чем свидетельствует появление в Ольвии теменоса и агоры [Там же, с. 156]. По мысли ученого, «возвышение Ольвии явилось следствием ведущей роли аграрного производства в Нижнем Побужье и преобладанием крестьян среди жителей полиса» [Там же, с. 156]. В первой четверти V в. до н.э. сельские поселения прекращают свое существование, а их население концентрируется в Ольвии [Там же, с. 157]. Подобная концентрация, как считал В.М. Отрешко, неизбежно должна была изменить организацию сельскохозяйственной территории Ольвийского полиса, в частности, вызвать размежевание ближайших окрестностей Ольвии на земельные участки ее граждан – клеры [Отрешко,

1975, с. 94; 1981, с. 76], что, в свою очередь, должно было сопровождаться «радикальной перестройкой всей полисной организации» [Отрешко, 1990, с. 15].

Таким образом, согласно В.М. Отрешко, на начальном этапе заселения сельской территории Нижнего Побужья аграрные поселения, возникающие на западе региона (Березанский лиман), принадлежали березанской округе, сама Березань представляла собой центр полиса, а Ольвия была одним из «подчиненных березанцам периферийных пунктов» [Отрешко, 1990, с. 14]. Затем, когда в конце второй – начале последней трети VI в. до н.э. центром полиса становится Ольвия, она включает в состав государства Березань и все сельские поселения региона[3]. В основу этой схемы был положен доклад В.М. Отрешко на I Цхалтубском симпозиуме в 1977 г. «К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху» [Отрешко, 1979, с. 151-158].

Представляет большой интерес мнение ряда ученых, принявших тогда участие в дискуссии по докладу В.М. Отрешко. Так, Ю.Г. Виноградов не согласился с высказанной в докладе В.М. Отрешко гипотезой о том, что наиболее ранние поселения хоры Березани могли располагаться на противоположном от Березани берегу и были разрушены с наступлением моря на сушу. «Мы видим, - подчеркнул он, - что сельские поселения по берегам Березанского лимана выстраиваются ныне в цепочку, следуя его очертаниям, что имело место, по всей видимости, и в древности» [Виноградов, 1979, с. 362]. По мнению Ю.Г. Виноградова, ни во второй половине VII, ни в начале VI вв. до н.э. такой ярко выраженной хорой, которая фиксируется для Ольвийского полиса во второй половине VI в. до н.э., Березань не обладала. Массовое создание хоры Ольвии он датировал серединой VI в. до н.э. [1979, с. 362]. К середине VI в. до н.э. отнесла возникновение сельских поселений, причем одновременно с Ольвией, и В.И. Пругло [Пругло, 1979, с. 363]. Хора, по ее мнению, исчезает, когда формируется как полис. Нижнебугские поселения в основе своей, в отличие от В.М. Отрешко, она считала негреческими. Напротив, И.Т. Кругликова поддержала В.М. Отрешко в том, что сельские поселения времени колонизации Нижнего Побужья были греческими [Кругликова, 1979, с. 363]. По ее мнению, их возникновение в регионе было связано с Ольвией. Об этом же говорил и С.Д. Крыжицкий: «Если бы хора была местной, это сказалось бы и на облике Ольвии V в. и позднее, а мы этого в догетское время не наблюдаем [Крыжицкий, 1979 а, с. 364]. На его взгляд, втягивание населения хоры в Ольвию говорит об окончательном формировании полиса. События начала V в. до н.э. в Нижнем Побужье,

[3] Занимаясь демографическими исследованиями архаической хоры, В.М. Отрешко пришел к выводу, что подавляющее большинство «населенных пунктов составляли поселения малой площади, состоявшие из одного домохозяйства. Основная же масса сельского населения на Бугском лимане концентрировалась на трех крупных поселениях в ближайших окрестностях Ольвии» [Отрешко, 1990 а, с. 84]. В этно-культурном плане у исследователя не было никаких сомнений в том, что архаические аграрные поселения, расположенные по берегам Бугского, Буго-Днепровского и Березанского лиманов, принадлежали грекам [Отрешко, 1981, с. 40].

о которых шла речь в докладе В.М. Отрешко, привлекли внимание Я.В. Доманского. Он привел свои соображения в пользу того, что, несмотря на прекращение существования многих поселений ольвийской хоры, Ольвия разрешила аграрную проблему, и земледельческая функция ее экономики в это время продолжала существовать, «хотя и в иных формах» [Доманский, 1979, с. 366].

А.Н. Щеглов высказал предположение о том, что «у Ольвии и Березани после прекращения существования поселений наделы сосредотачивались вокруг города, но мы еще не можем их обнаружить» [Щеглов, 1979, с. 364]. К.К. Марченко отверг саму возможность занятием земледелием для жителей архаической Березани, допуская только торговую направленность поселения [Марченко, 1979, с. 362]. Л.В. Копейкина усомнилась в ранней датировке В. М. Отрешко первых сельских поселений началом VI в. до н. э. [Копейкина, 1979, с. 363], на что В.М. Отрешко ответил ей, что на поселениях имеется керамический материал, датирующийся этим временем достаточно точно [Отрешко, 1979 а, с. 364]. В отношении мнения К.К. Марченко о невозможности сельского хозяйства на Березани, В.М. Отрешко высказался так: «Как можно об этом говорить, если мы не знаем ни количества населения в первые десятилетия существования там поселения, ни тогдашней площади острова или полуострова. Не знаем ни того, сколько было нужно березанцам земли, ни того, сколько они ее имели» [Там же]. Как «перспективную методику» отметил предложенные в докладе В.М. Отрешко принципы экономического районирования Нижнего Побужья в колонизационную эпоху – В.П. Яйленко [1979, с. 363]. Завершая дискуссию, важность доклада В.М. Отрешко в этом плане отметила и А. Вонсович [1979, с. 367].

Вышеприведенная концепция В.М. Отрешко практически без существенных изменений сохранилась и в более поздних работах исследователя, в частности, в написанном им разделе «Хора Ольвии» для 2-го тома «Археологии УССР» [Отрешко, 1986, с. 317-328] и в кандидатской диссертации, посвященной ольвийской хоре VI-V вв. до н.э. [Отрешко, 1990].

В своей последней крупной опубликованной работе, где рассматривались проблемы сложения основ экономики ранней Березани [Отрешко, 1994], В.М. Отрешко предложил теоретическую схему развития архаической хоры в Нижнем Побужье. Согласно ему, - «периферийных аграрных поселений, которые бы возникли одновременно с Березанью, не было и быть не могло» [Там же, с. 113]. Древнейшие же наделы самих березанцев размещались на Березанском полуострове или на прибрежном материковом побережье. В дальнейшем сельские поселения Нижнего Побужья могли основывать выходцы с Березани или, скорее всего, вновь прибывавшие колонисты, но только за пределами территории, занятой наделами первопоселецев [Там же]. Уже на первом этапе своего существования Березань, по определению В.М. Отрешко, «выглядит как полугородское поселение, экономика которого была многоотраслевой и не ориентировалась на одностороннее развитие какой-либо конкретной сферы хозяйственной деятельности» [1994, с. 119]. Начиная с раннего времени, как считал В.М. Отрешко,

березанцы могли заниматься и товарным производством зерна, объем продукции которого в рамках всего Нижнего Побужья увеличивался по мере появления все новых и новых периферийных поселений [Отрешко, 1994, с. 114].

Вопросов сложения античной хоры в Нижнем Побужье в рамках разрабатывавшейся им гипотезы о двух линиях греческой колонизации Северного Причерноморья, - организованной и стихийной, в ряде работ непосредственно касался С.Д. Крыжицкий [1979; 1982, 1985; 1989]. В ранних работах на эту тему о хоре Березани исследователь почти не писал, отмечая только, что следы землепользования ранней Березани могли не сохраниться, учитывая изменения береговой линии [Крыжицкий, 1982, с. 75][4]. Что же касается хоры Ольвии, то появление сельских поселений в VI в. до н.э. в Нижнем Побужье он рассматривал «не как освоение сельской округи Ольвийского государства, а как этап формирования государства – города» [Крыжицкий, 1979, с. 123]. Однако общий характер колонизации был аграрным [Крыжицкий, 1982, с. 75]. Березанское поселение, по С.Д. Крыжицкому, было основано в результате организованной, целенаправленной колонизации [Крыжицкий, 1989, с. 49]. Акт же основания Ольвийского поселения носил, по его мнению, не целенаправленный, а стихийный характер [Крыжицкий, 1985, с. 67]. В силу этого поселения Нижнего Побужья «в принципе не могли быть хорой Ольвии, ее сельской округой, поскольку ни городом, ни государством Ольвия в это время не являлась» [Там же].

В его совместной статье с А.С. Русяевой к переломному моменту в истории Ольвии был отнесен конец VI – начало V вв. до н.э., когда в Ольвии происходит переход от земляночного к массовому наземному сырцово-каменному домостроительству, а к первой половине V в. до н.э. относится и прекращение жизни на большинстве поселений ольвийской хоры [Крижицький, Русяєва, 1978, с. 23-24]. Эта связь, а также характер комплекса материальной культуры (в том числе, жилищ), идентичный у населения ольвийских полуземлянок и жителей сельских поселений, по мнению С.Д. Крыжицкого и А.С. Русяевой, дают возможность предполагать, что жизнь на хоре прекратилась в связи с оттоком населения в Ольвию и, возможно, частично на Березань [Там же, с. 24].

Выводы С.Д. Крыжицкого часто менялись. Так, формирование Ольвии как полноценного государства он относил сначала к концу VI – началу V вв. до

---

[4] Отметим, что подобную точку зрения никогда не разделял Ю.Г. Виноградов, подчеркивая в своих работах, что «невозможно полагать, что самые ранние поселения березанской и ольвийской хоры второй половины VII – начала VI вв. до н.э. не дошли до нас в результате разрушительной абразии берега, коль скоро эта абразия пощадила не один, а свыше полусотни памятников, возникнувших всего на 100 лет позже» [Виноградов, 1983, с. 380; 1989, с. 53]. В последнее время для подтверждения своей концепции о преимущественно варварском населении ранней Березани использует береговую абразию С.Л. Соловьев. На ее счет он списал т.н. «зимники» местного населения в Нижнем Побужье, а также наиболее древние части Березанского поселения и его некрополя, включая и «древнейший могильник негреческого населения» [Соловьев, 2000, с. 292, 293, 296]. Аналогичным образом привлекается им фактор «сильных природных разрушений» и при интерпретации известного приольвийского поселения Широкая Балка [Соловьев, 2000 а, с. 98, прим. 9].

н.э. [Крыжицкий, 1985, с. 67], потом – к концу третьей четверти VI в. до н.э. [Крижицький, 1989, с. 46], позднее, вместе с Н.А. Лейпунской – к концу второй четверти VI в. до н.э., «когда уже почти весь нижнебугский регион был заселен греческими переселенцами в результате стихийной колонизации» [Крыжицкий, Лейпунская, 1997, с. 22]. В другой их совместной работе вторая четверть – середина третьей четверти VI в. до н.э. были определены как время, «когда Ольвия не являлась ни городом, ни государством, а была просто поселением» [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 88]. В своей личной работе 1982 г. С.Д. Крыжицкий писал, что, не отличаясь от окружающих поселений, Ольвия около середины VI в. до н.э. могла представлять собой тип спартанского полиса, не имевшего городского центра и состоявшего из объединения пяти селищ [Крыжицкий, 1982, с. 74]. Ольвийское государство в системе «город – хора» могло сформироваться, по его мнению, не ранее конца VI – начала V вв. до н.э., скорее всего, путем синойкизма [Там же, с. 75].

В этой связи он высказал предположение, согласно которому «на каком-то раннем этапе» некоторые скопления поселений, достаточно значительная концентрация которых, в первую очередь, заметна в районе с. Козырки и Аджигольской балки, могли представлять собой самостоятельные государственные образования [Крижицький, 1982, с. 75; см. также: Kryjickij, 1999, p. 271]. Что же касается Березанского поселения, то, по мнению С.Д. Крыжицкого, ни его размеры, ни уровень развития экономики, а также отсутствие каких-либо комплексов общественного назначения не дают достаточных оснований считать Березань центром большого и густо заселенного во второй половине VI в. до н.э. района побережий Буго-Днепровского и Березанского лиманов. Речь в этом плане, на его взгляд, может идти только о поселениях Березанского лимана [Крижицький, 1982, с. 75].

Позднее он отказался от идеи конституирования козырского и аджигольского мест концентрации архаических поселений в отдельные полисные структуры, подчеркнув, что и в этих районах Нижнего Побужья процесс заселения также имел стихийный характер и никаких признаков наличия полисных структур здесь не выявлено [Крижицький, 1989, с. 48]. Отстаивая стихийный характер колонизации Нижнего Побужья, он в то же время вынужден был признать однотипность и неслучайность широкого распространения поселений, включавших в себя несколько ойкосов [Крижицький, 1989, с. 46]. В колонизационном потоке он выделяет городской, т.е. целенаправленный, в ходе которого возникла ранняя Березань, в позднее (в начале последней трети VI в. до н.э. сформировалась Ольвия) и сельский, т.е. стихийный, в ходе которого возникли рядовые поселения Нижнего Побужья и, в первую очередь, агломерации [Крижицький, 1989, с. 47-49]. Заключает эту его программную статью о стихийности колонизационного процесса в нижнебугском регионе следующая схема формирования здесь античной хоры. С.Д. Крыжицкий пишет: «Нижньобузькі поселення і окремі ойкоси району Березані одночасно з своїм виникненням або ж зразу після того ввійшли до складу Березанського поліса. Те саме

стосується і поселень поблизу Ольвії. Але і в тому, і в іншому випадках це не була заздалегідь організована цілеспрямована колонізація. Всі ці поселення склали в останній чверті VI ст. до н.е. хору Ольвії» [Крижицький, 1989, с. 49].

В последовательной и законченной форме идеи С.Д. Крыжицкого и В.М. Отрешко относительно греческой колониальной хоры Нижнего Побужья нашли отражение в их совместной работе «К проблеме формирования Ольвийского полиса» [1986]. Здесь Березань совершенно однозначно приводится в качестве примера колонизации организованной, а Ольвия – стихийной. По мнению авторов статьи, контингент первопоселенцев Березани, основанной между 646-625 гг. до н.э. [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 11], «с самого начала был организован в гражданскую общину – полис. Ближайшие к поселению земельные угодья (на полуострове или материковом плато) были размежеваны на наделы. Спустя некоторое время, за пределами собственно березанской хоры (территории, занятой наделами жителей Березани) возникает ряд небольших поселений по берегам Березанского, Днепровского и Бугского лиманов. Значительную часть их обитателей составляли выходцы с Березани, а сами поселения находились в прямой зависимости от нее [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 12]. Ольвия, основанная, по мнению авторов, около середины VI в. до н.э. [Там же, с. 8], до конца третьей четверти этого столетия (между 535-525 гг.) [Там же, с. 12], полисом не являлась и главенствующего положения в регионе не занимала. По этой причине сельские поселения близ нее не могли составлять ее хору «в классическом понимании этого термина» [Там же, с. 6].

С конца третьей четверти VI в. до н.э., подчеркивают С.Д. Крыжицкий и В.М. Отрешко, ситуация резко меняется, и Ольвия становится центром «нижнебугской агломерации», приобретая статус полиса [Там же, с. 12]. С этого момента активизируется и аграрное освоение региона, которое авторы статьи в отличие, например, от К.К. Марченко [1980, с. 139, 141], целенаправленным не считают. Они предлагают рассматривать Ольвию в последней четверти VI – начале V вв. до н.э. как «полис со стихийно формирующейся хорой» [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 13]. Причины исчезновения приольвийских аграрных поселений на рубеже первой – второй четвертей V в. до н.э. авторы видят в следующем: «К сокращению хоры привело отсутствие надлежащей ее организации и, следовательно, четкой связи, защиты и др., что явилось результатом стихийности ее создания» [Там же, с. 15]. В дальнейшем, в классическое время, вместо стихийности и раздробленности периода архаики развитие хоры, по их мнению, основывается на базе более четкой регламентации и целенаправленности [Там же, с. 15].

Существенный вклад в разработку научных представлений о становлении и развитии греческой хоры Нижнего Побужья внес В.В. Рубан. На базе предложенной им периодизации основных этапов ионийской колонизации Северо-Западного Причерноморья [Рубан, 1975; 1978; 1990], в ряде работ 1970-80-х гг. [Рубан, 1975 а; 1977; 1977 а; 1978; 1978 а; 1979; 1980; 1980 а; 1981; 1981 а; 1982; 1988; 1988 а; см. также: Рубан, Урсалов, 1986], он разработал

дробную периодизацию истории античных сельских поселений и в целом пространственного развития «эллинского полиса в Нижнем Побужье догетского времени» [Рубан, 1988, с. 16]. Эта хронологическая шкала насчитывала девять основных этапов, из которых к эпохе колонизации исследователь отнес пять. Существенно отметить, что глава кандидатской диссертации В.В. Рубана, отведенная детальному построению этой шкалы, имела следующее название – «Эволюция территории хоры Березани и Ольвии как структурообразующего элемента полиса» [Рубан, 1988, с. 13].

Итак, по В.В. Рубану на *первом* этапе (вторая половина VII в. до н.э.) около 647 г. до н.э. [Рубан, 1988, с. 16] была основана Березань (Борисфен), с самого начала являвшаяся организованной общиной – полисом, куда входили и прилегающие земли – хора [Рубан, 1979, с. 66]. Первичное размежевание земель происходило в непосредственном окружении Березанского поселения [Рубан, Урсалов, 1986, с. 47] и имело своей целью сельскохозяйственное обеспечение апойкии. Обработка земли велась самими жителями Березани, а стационарных сельских поселений как таковых еще не было [Рубан, Урсалов, 1986, с. 47; Рубан, 1988, с. 16]. В силу этого Березань на данном начальном этапе являлась, по мнению В.В. Рубана, не эмпорием, а полисом, не имевшим заселенной хоры [1979, с. 66; 1988, с. 16], как и Истрия того же времени [1988 а, с. 33], что, как он считал, «не оставляет в науке места концепции полиса без хоры» [Рубан, 1988 а, с. 33]. Археологический материал говорит об аграрно-ремесленном характере обеих апойкий с высоким уровнем развития торговли с метрополией [Рубан, 1978, с. 78]. После основания Березани к востоку от нее, у Ягорлыцкого залива, со второй половины VII в. до н.э. возникает сезонный «ремесленный очаг» березанцев [Рубан, 1980, с. 104 сл.], функции которого были обусловлены наличием соответственных сырьевых ресурсов [Рубан, 1979, с. 66].

На *втором* этапе (первая половина VI в. до н.э.) аграрная территория Березани претерпевает существенные изменения – количественные и качественные. Площадь обрабатываемых земель растет, и они появляются теперь вдали от города, что вызывает необходимость создания стационарных сельских поселений [Рубан, 1978, с. 78; 1988, с. 16; Рубан, Урсалов, 1986, с. 47]. В это время на побережье Березанского и Днепровского лиманов (до устья Бугского) появляется целый ряд стационарных поселений. Таким образом, хора растет в восточном направлении, она становится заселенной. В результате – аграрная база полиса расширяется, стимулируя тем самым его дальнейшее развитие. Создание и расширение заселенных земледельческих территорий[5] на этом этапе характерны не только для района Борисфена, но и Истрии [Рубан, 1978, с. 78]. Причину создания обширной заселенной хоры Борисфена

[5] Как подчеркнула Н.А. Лейпунская, приведенная характеристика первых двух этапов колонизации нижнебугского региона по В.В. Рубану «в целом соответствует данным археологии, все же необходимо заметить, что для района Ольвии – Березани кажется несколько преувеличенным

(как и Истрии) В.В. Рубан видел не только в росте экономического и демографического потенциала Березанского и Истрийского полисов. Он считал, что это также напрямую было связано с притоком новых колонистов из Восточной Греции вследствие экспансии Лидийского царства и расселением их в качестве эпойков на территории государства [Рубан, 1978, с. 78; 1988, с. 16-17]. В этот период на территории полиса Борисфена (и соответственно, его хоры) имеют хождение монеты – стрелки, отливавшиеся на Березани [Рубан, 1981 а, с. 71; 1982 а, с. 16-18; Рубан, Урсалов, 1986, с. 47; 1990, с. 35].

Третий этап (вторая половина VI в. до н.э.), выделенный исследователем, знаменует собой основание около 545 г. до н.э. при устье Гипаниса города Ольвии [Рубан, 1979, с. 66], на месте которого в первой половине VI в. до н.э. находилось небольшое рядовое сельское поселение березанской хоры, безусловно, уступавшее поселению на Березани [Рубан, 1982 а, с. 18; 1988, с. 8; Рубан, Урсалов, 1986, с. 36]. На этом этапе происходит стремительный рост нового города, быстрое возвышение Ольвии и перенос туда столицы полиса [Рубан, 1982 а, с. 18; 1988, с. 8]. Это событие сопровождается прекращением деятельности Ягорлыцкого ремесленного центра, изменением формы внутриполисной денежной единицы – переход к дельфиновидным монетам[6] (центром эмиссий которых стала Ольвия) [Рубан, 1982 а, с. 16-18; Рубан, Урсалов, 1990, с. 35] и значительным расширением сельской территории [Рубан, 1979, с. 66; 1981, с. 71; 1982 а, с. 18; 1988, с. 17; Рубан, Урсалов, 1986 с. 47]. Хора растет за счет заселения новых земель по правобережью Бугского лимана к северу от Ольвии. Существенно

и преждевременным говорить о создании и расширении заселенной земледельческой территории в первой половине VI в. до н.э., во всяком случае – его начале, для которого нам пока известны единичные поселения» [Лейпунская, 1981, с. 149-150].

[6] Исследуя ранние этапы античного денежного обращения в Нижнем Побужье архаического времени и критически рассматривая историографию, посвященную стрело- и дельфиновидным монетам, В.В. Рубан и В.Н. Урсалов пришли к выводу о несовпадении ареалов их циркуляции [Рубан, Урсалов, 1986, с. 35]. Признав возможное предположение о существовании на территории одного полиса двух синхронных денежных систем, одна из которых предназначалась бы для обращения в каком-либо обособленном, узко ограниченном районе, невероятным [Там же, с. 35], а факт длительного синхронного существования двух независимых полисов в Нижнем Побужье таким, что «не подтверждается имеющимися источниками» [Рубан, Урсалов, 1990, с. 35], исследователи предложили свою схему эволюции раннего монетного дела в регионе. Согласно ей, Березань уже на раннем этапе (во второй половине VII – первой половине VI вв. до н.э.) была центром полиса в Нижнем Побужье, где функционировала государственная магистратура и выпускались (в первой половине VI в. до н.э.) стрело- или листовидные монеты, символизировавшие верховное божество общины– Аполлона Иетроса [Рубан, Урсалов, 1986, с. 49; 1990, с. 35]. Во второй половине VI в. до н.э. изменения в пространственной организации греческой общины в Нижнем Побужье, наиболее значительным проявлением которых стал переход функции центра полиса в Ольвию, перенос туда столицы из Борисфена и полная интеграция Березанского полиса в Ольвийский, привели и к изменению места выпуска государственных монет и их символики [Рубан, Урсалов, 1986, с. 49; 1990, с. 35]. Вместо прежних денежных знаков последовали эмиссии бронзовых «дельфинчиков», связанных с верховным культом вновь созданного Ольвийского полиса, т.е. с Аполлоном Дельфинием и ставших непосредственными предшественниками круглых монет [Рубан, Урсалов, 1990, с. 35].

увеличивается и ее демографический потенциал, что особенно заметно по таким наиболее крупным поселениям, как Чертоватое II и VII. В.В. Рубан связывает их появление с наиболее многочисленными контингентами переселенцев из метрополиии за все время греческой колонизации региона, спасавшимися от персидского порабощения. Итог этапа заключается в том, что именно с этого времени античный полис в Нижнем Побужье правомерно именовать уже Ольвийским, равно как и совокупность сельских поселений региона можно считать не березанской хорой, а ольвийской [Рубан, 1988, с. 17; Рубан, Урсалов, 1986, с. 47].

Четвертый этап в развитии античной хоры в Нижнем Побужье догетского времени В.В. Рубан датировал первыми двумя третями V в. до н.э. [Рубан, Урсалов, 1986, с. 47; Рубан, 1988, с. 17]. Для него (особенно в начале столетия) характерно дальнейшее расширение ольвийской хоры за счет появления новой серии поселений и усадеб в северной части правобережья и на всем восточном берегу Бугского лимана, а также вдоль склонов крупных обводненных степных балок. Новый приток колонистов в регион связан с поражением ионийского восстания в 494 г. [1988, с. 17]. На этом этапе сельская округа Ольвии занимает максимальную территорию за весь архаический период, «а столица полиса оказывается в самой оптимальной географической ситуации, канонизированной античными теоретиками, – в геометрическом центре полиса» [Рубан, 1988, с. 17][7]. Кроме территориальных изменений, аграрная зона Ольвии претерпевает в это время и существенные качественные преобразования. Повсеместно происходит переход от земляночного домостроительства к наземному сырцово-каменному. Наблюдается и углубление дифференциации в типологии сельских населенных пунктов, которые представлены крупными мегакомами, комами среднего ранга и мелкими частными усадьбами на земельных наделах [Рубан, 1988, с. 17]. Все эти явления, с одной стороны, свидетельствуют об общем росте экономического потенциала полиса, а с другой – об углублении социального расслоения в нем [Рубан, 1988, с. 18].

---

[7] Впервые идея о т.н. «геометрической» модели пространственного развития или «программирования» границ Ольвийского полиса была высказана А. Вонсович [W¹sowicz, 1975, p. 84]. По ее мнению, центр полиса, который составляли теменос и агора, был гармонично вписан в треугольную площадь города. Треугольник города в еще большем масштабе дублировался некрополем, а два эти треугольника окружены третьим – составляющим ближайшую хору. Всю фигуру, в центре которой неизменно оставались теменос и агора, как полагала А. Вонсович, можно рассматривать как большой треугольник, основанием которого служил Днепро-Бугский лиман, а боковыми сторонами – условные линии от Варваровки (север) до м. Станислав (юго-восток) и от Варваровки – на Березань (юго-запад). С критикой этой точки зрения выступили И.Б. Брашинский [1977, с. 306] и Дж. Хайнд [Hind, 1980, p. 270]. Согласился с идеей первоначального выбора местоположения Ольвии и определения примерных границ будущего государства Ю.Г. Виноградов, однако идею о геометрическом принципе треугольника, лежавшего, по А. Вонсович, в основе этого, не принял [Виноградов, 1989, с. 43]. Спустя десять лет тезис о том, что Ольвия являлась геометрическим центром расположения поселений своей сельской округи второй половины VI – начала V вв. до н.э., появился в работе других авторов [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 55].

Пятый этап, который исследователь отнес к последней трети V в. до н.э.[8], он назвал этапом деколонизации хоры [Там же, с. 18]. По его мнению, именно в это время прослеживается прекращение жизни населенных пунктов ольвийской сельской территории и резкое сокращение площади Березанского поселения. Не разделяя точек зрения, согласно которым население покинуло хору либо под давлением скифов (К.К. Марченко, Я.В. Доманский, Ю.Г. Виноградов), либо в силу стихийного характера организации ранней хоры (С.Д. Крыжицкий, В.М. Отрешко, С.Б. Буйских), В.В. Рубан высказал свои соображения по поводу причин концентрации демографического потенциала полиса в его столице. С одной стороны, он считал прекращение существования поселений и рост города материальным выражением синойкизма, в процесс которого и было втянуто практически все население Нижнего Побужья [Рубан, 1977, с. 43]. Более того, «в свою очередь это повлекло за собой реорганизацию земледельческой территории (возможно, концентрацию возделываемых земель в ближайших окрестностях Ольвии), которую в архаическое время еще невозможно рассматривать как хору в историческом смысле этого слова» [Там же, с. 43]. С другой же стороны, В.В. Рубан не исключал, что возможной причиной деколонизации хоры являлась эмиграция ионийских переселенцев из Нижнего Побужья на родину после обретения ею независимости [Рубан, 1988, с. 18].

Нужно отметить еще одно обстоятельство. Практически первым в отечественной историографии В.В. Рубан акцентировал внимание на идентичности некоторых существенных моментов протекания колонизации в Нижнем Побужье и Северной Добрудже [Рубан, 1990, с. 85], что нашло выражение, в частности, в демографической ситуации в момент колонизации обоих регионов, хронологии и облике материальной культуры античных сельских поселений округи Истрии и округи Ольвии. В свою очередь, это дало ему основание «для применения в Северной Добрудже исследовательской модели, выработанной в процессе многолетнего изучения архаической хоры Березани и Ольвии» [Там же, с. 85-86], и привело к следующим заключениям.

На начальном этапе колонизации (вторая половина VII в до н.э.) аграрная территория Истрии была *незаселенной*, в ближайшем окружении города располагались лишь земельные наделы его жителей. С начала же VI в. до н.э., на которое, по словам В.В. Рубана, «приходится вторая фаза ионийской колонизации Западного и Северного Понта (возникновение первых аграрных поселений на хоре Березани, основание новых апойкий – Аполлонии, Одессы, Пантикапея, Гермонассы, Нимфея и др.)» [Там же, с. 86], хора Истрии заметно

[8] В действительности же, для подавляющей массы поселений Нижнего Побужья архаический (колонизационный) этап завершается в конце первой трети V в. до н.э. [Крыжицкий и др., 1989, с. 22, 95; Крыжицкий и др., 1990, с. 43], возрождается же жизнь на хоре в последней трети V в. до н.э. [Крыжицкий и др., 1989, с. 99, 150; Крыжицкий и др., 1990, с. 75]. Как отмечалось в литературе, В.В. Рубан ошибочно принял начала следующего этапа в жизни ольвийской хоры за конец предыдущего [Крыжицкий и др., 1990, с. 43].

расширяется и становится *заселенной*. Аналогично нижнебугским памятникам, сельские поселения истрийской хоры были неукрепленными. Во второй половине VI – первой половине V вв. до н.э. наблюдается расцвет самой Истрии (как города) и ее ранней хоры. В это время здесь прослеживаются следы весьма интенсивной жизнедеятельности сельского населения. Далее ко второй половине V в. до н.э. так же, как и земледельческая территория в Нижнем Побужье, хора Истрии снова становится *незаселенной*. Эта во многом еще загадочная особенность, подчеркнул В.В. Рубан, в целом характерна для всех ионийский полисов Северо-Западного Причерноморья и «подлежит дальнейшему исследованию в рамках всего региона» [Рубан, 1990, с. 86].

Одну из своих работ В.В. Рубан посвятил выяснению роли внешнеполитического фактора в истории населения ольвийской хоры [Рубан, 1980 а]. В ней история хоры Ольвии догетского времени в Нижнем Побужье была разделена им на три основных стадии. По его мнению, последовательно сменили друг друга: 1) *стадия формирования* (вторая половина VII – V вв. до н.э.; 2) *стадия расцвета* (IV – первая половина III вв. до н.э.); 3) *стадия упадка* (вторая половина III – первая половина I вв. до н.э.) [Там же, с. 110]. Для каждой стадии было характерно влияние различных внешнеполитических факторов. Для первой стадии – это особенности исторического развития метрополии, заключавшиеся в нестабильной политической ситуации в ионийских полисах, «периодически иррадировавших в колонии контингенты эпойков под давлением соседних восточных монархов», а также отсутствие местного оседлого населения в Нижнем Побужье [Там же, с. 110]. На второй стадии основным внешнеполитическим фактором, способствовавшим упрочению благосостояния ольвийской хоры, было поддержание стабильного мирного соседства с кочевой варварской степью. Упадок хоры на третьей стадии был вызван военной активизацией варварских племен Юго-Восточной Европы.

В.В. Рубан констатировал, что развитие хоры догетской Ольвии в некоторых моментах совпадает с историей сельских территорий ионийских полисов, благосостояние которых зависело от их политических отношений со своими восточными соседями [Там же, с. 111]. Среди таких показательных параллелей исследователь отметил вынужденную эмиграцию населения ионийских государств вследствие сокращения их хоры в архаическое время и отток населения из Ольвийского полиса по тем же причинам в эпоху эллинизма [Там же]. Он заключил, что, вероятно, в этом состоит «одна из исторических закономерностей, проявлявшихся на определенном этапе развития хоры греческого периферийного полиса» [Там же, с. 111]. Эта закономерность, по его мнению, состояла в том, что в отличие от Балканской Греции, где безопасность и процветание хоры зависели преимущественно от состояния межполисных отношений и лишь изредка от воздействия варваров, на периферии греческого мира роль этих факторов была иной [Там же].

Говоря об освоении греками обширных территорий Северо-Западного Причерноморья, В.В. Рубан в другой своей работе отмечал, что в период колонизации

здесь формировались две основные системы расселения: 1) *одноуровневая* или моноцентричная с единственным урбанистическим центром, являвшимся центром полиса (Истрия, Никоний) и 2) *двухуровневая* или полицентричная [Рубан, 1988 а, с. 32-33]. В Нижнем Побужье на первых двух этапах колонизации существовала одноуровневая система расселения (Березань), затем трансформировавшаяся в двухуровневую (Березань плюс Ольвия). Березанская система стала структурообразующим элементом ольвийской на уровне микросистемы [Там же, с. 33].

Среди системообразующих насселенных пунктов, т.е. городов, В.В. Рубан выделил два этапа: 1) города систем расселения полисного уровня, а именно: Истрия, Никоний, Ольвия и 2) города, на первых двух этапах являвшихся главным звеном полисной системы, а затем ставшие микросистемами, инкорпорированными в полисную систему (Березань). К несистемообразующим населенным пунктам, исходя в первую очередь, из материалов Нижнего Побужья [Рубан, 1981; 1988, с. 17-18], исследователь отнес 1) поселения хуторского типа (*хорионы*), состоявшие из одного ойкоса (Козырка XV); 2) поселения среднего ранга (*комы*), включавшие в себя несколько ойкосов (Ст. Богдановка-II); 3) поселения высшего ранга (*мегакомы*), структурно насчитывавшие несколько десяткой ойкосов (очевидно, Чертоватое-II и VII); 4) служебные населенные места – сезонные пастушеские стоянки и Ягорлыцкий агломерат ремесленных мастерских [Рубан, 1988 а, с. 33].

Для сравнения приведем классификацию С.Д. Крыжицкого, который считал возможным населенные пункты Ольвийского государства в последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. в терминологическом выражении определять так: Ольвия – *полис* (в значении большой город); Березанское поселение – *полихнион* (в значении небольшой городок); агломерация – *комэ* (неукрепленное село); поселение, которое состоит из одного или нескольких ойкосов – *комион* (сельцо) [Крыжицький, 1989, с. 49].

В целом для Северного Причерноморья второй половины VII – начала V вв. до н.э. в его работах и работах с соавторами были выделены следующие категории населенных пунктов. Это: 1) города; 2) сельские поселения, среди которых различаются: а) коллективные усадьбы или дома – коммуны (типа Торика и Киммерика); б) отдельные хутора; в) агломерации, состоявшие из групп хуторов или усадеб; 3) эмпории (в понимании торговой фактории) [Крижицький, Буйських, 1988, с. 6; Крижицький, 1989, с. 43-44; Крыжицкий и др., 1989, с. 37-39][9].

Таким образом, несмотря на некоторые отличия терминологического, хронологического и интерпретационного плана между работами В.М. Отрешко, С.Д. Крыжицкого и В.В. Рубана, в целом из них вытекало, что становление

---

[9] Впоследствии, исходя из архитектурного аспекта, С.Д. Крыжицкий предложил следующую типологию античных населенных пунктов Северного Причерноморья: 1) *полис* – город, столица полиса в значении государства: 2) *полихнион* – город, не имеющий статуса государства; 3) *комэ* – крупная деревня; 4) *комион* – деревушка, состоящая из одного или нескольких ойкосов; 5) *хорион* – включающий одну или несколько индивидуальных усадеб; 6) *эмпорий* – торговая фактория [Крыжицкий, 1993, с. 33-34].

раннеантичной хоры в Нижнем Побужье прошло три основных этапа. Вначале возникла незаселенная аграрная зона Березани, затем появилась заселенная хора Березанского полиса, включавшая в себя сеть поселений в районе Березанского лимана, а, возможно, доходившая и до устья Аджигола. Наконец, около последней трети VI в. до н.э. формируется хора Ольвийского полиса, территориально охватившая сельскими поселениями побережье Березанского, Днепровского и Бугского лиманов.

Двухэтапный вариант – вначале локальная хора Березанского полиса, затем большая, занявшая все Нижнее Побужье, хора Ольвийского полиса – поддержали и другие представители киевской школы, в первую очередь, А. С. Русяева [Русяєва, 1979, с. 4; Русяева, 1986, с. 296; 1986 а, с. 301; 1986 б, с. 49; см. также: Русяева, Скржинская, 1979, с. 26] и В. А. Анохин [Анохин, 1986, с. 77; 1988, с. 134].

Как указывалось в I-й части данной работы [Буйских, 2008, с. 24], А.С. Русяева, впрочем, так же, как Ю.И. Козуб [1979, с. 316] и М.В. Скржинская [1981, с. 149], поначалу считала, что Ольвия, основанная в начале VI в. до н.э. вместе с другими поселениями Днепро-Березанского района, мало чем отличалась от их основной массы [Русяева, 1979, с. 6; 1979 а, с. 28; 1979 б, с. 106]. Своеобразным же форпостом и «местным организатором» в процессе первоначального заселения берегов нижнебугских лиманов конца VII – первой половины VI вв. до н.э. выступало Березанское поселение, которое, по А.С. Русяевой, вместе с Истрией было «первым микрополисом» Северо-Западного Причерноморья и представляло собой «небольшой своеобразный полис-государство» [Русяєва, 1979, с. 3-4]. Возвышение Ольвии, массовое заселение греками берегов Бугского и Березанского лиманов и создание Ольвийского полиса она относила к середине – второй половине VI в. до н.э. [1979, с. 4-5; 1979 б, с.106-107]. Однако, подчеркивала А.С. Русяева, такие вопросы, как «роль Березанского поселения в колонизационном процессе Днепровско-Березанского бассейна, детальное изучение всех аспектов его исторического развития остаются все еще не решенными. В такой же мере это касается и вопроса о времени устройства непосредственно Ольвией своей сельскохозяйственной округи. Во-первых, немало поселений возникло одновременно с Ольвией или в тот период, когда про нее как про город вряд ли можно говорить. Во-вторых, так сказать, налаженная во всех отношениях экономическая база города почти полностью прекратила свое существование в первой четверти V в. до н.э., т.е. в то время, когда Ольвия уже сформировалась как город и требовала, казалось бы, наличия сельской округи, которая действительно была создана, но значительно позднее» [Русяева, 1979 б, с. 107].

В другой работе А.С. Русяева высказала весьма интересную мысль о том, что в процессе становления Ольвийского полиса стабильности его существования и дальнейшего развития мешали система организации аграрного хозяйства, т.е. основной экономической базы, а также отсутствие четко налаженных аграрных отношений и относительно слабое развитие ремесленного производства [Русяева, 1987, с. 170-171]. Завершающий этап архаической истории

Ольвийского полиса и был, по ее мнению, «связан с коренной реорганизацией сельскохозяйственной округи, формированием близлежащей хоры, способствовавшим более тесной экономической консолидации города с его аграрной зоной и относительной стабилизации его социально-экономического положения» [Русяева, 1987, с. 171]. Одним из поселений этой ближней хоры, по мнению А.С. Русяевой, была Широкая Балка к югу от Ольвии, раскопки которой показали, что оно «было основано и заселено эллинами в процессе общей колонизации Нижнего Побужья в VI в. до н.э.» [Русяева, Мазарати, 1986, с. 58].

Появление новых материалов и, в первую очередь, открытие и результаты раскопок древнейшего (Западного) теменоса в Ольвии, который, как установлено, возник не позднее второй четверти VI в. до н.э. [Русяева, 1986 б, с. 51-52; 1988, с. 170-171; 1991, с. 124, 135], заставили А.С. Русяеву пересмотреть свою точку зрения относительно статуса ранней Ольвии. В своей большой программной статье, посвященной проблемам греческой колонизации Нижнего Побужья, время смены ведущих ролей в регионе исследовательница выделяла уже несколько иначе: вторая половина VII – первая четверть VI вв. до н.э. – за Борисфеном, а со второй четверти VI в. до н.э. (а не со второй половины, как она считала ранее) «на эту роль, очевидно, начинает претендовать и Ольвия» [Русяева, 1986 б, с. 51]. Более того, на основании того факта, что не позже этой даты в Ольвии был выделен теменос Аполлона Врача, она признала, что с самого начала Ольвийское поселение выделялось среди других синхронных памятников региона и здесь с самого начала было запрограммировано не сельское поселение, а город [Там же, с. 52; с. 62-63, прим. 163]. Выводы А.С. Русяевой подтвердили ранее высказывавшуюся точку зрения об особом положении ранней Ольвии в регионе [Брашинский, 1977, с. 302; Виноградов, 1983, с. 389].

В данной статье А.С. Русяевой была выдвинута оригинальная гипотеза об основных стадиях протекания процесса формирования Ольвийского государства, основанная на прочтении граффити второй половины VI в. до н.э., прочерченном на костяной березанской пластинке из раскопок В.В. Лапина. Надпись, по мнению издателя, представляет собой своеобразную запись символического изречения дидимейского оракула, в котором отражены этапы становления в ольвийско-березанском регионе культа Аполлона и роста количества переселенцев [Русяева, 1986 б, с. 32, 33]. Она гласит: «*Семь*: волк слаб (немощен, бессилен); *семьдесят*: лев грозен (могуч, страшен); *семьсот*: лучник (стрелец) дружественен – дар силой врачевателя; *семь тысяч*: дельфин разумен (мудр) – мир Ольвийскому полису; благословляю (считаю счастливыми вас) там, я сам благословлен Лето (?)№ [Русяева, 1986 б, с. 26].

По мнению А.С. Русяевой, березанская надпись «засвидетельствовала последовательность и длительность колонизационного процесса в Нижнем Побужье» [Там же, с. 62]. Содержащиеся в ней данные позволяют, на ее взгляд, выделить четыре этапа этого процесса с характерным для каждого из них культом [Русяева, 1986 б, с. 49-50, 62-63]:

1) выбор ионийцами места для переселения, «первоначальное основание» Борисфена, где гегемоном выступал Аполлон Дидимейский в ипостаси Ликея (середина – третья четверть VII в. до н.э.);

2) «окончательное основание» Борисфена под эгидой того же божества, но с расширением его функций (символика льва), закрепление колонистов в Нижнем Побужье и проникновение их в Лесостепь (последняя треть VII в. до н.э.);

3) расширение греческой колонизации региона за счет новой колонизационной волны, что совпадает с символикой числа 700 (усиление Борисфена, зарождение здесь полисной структуры), интенсивное земляночное строительство на Березани, широкое освоение Борисфеном окружающей территории, расширение его сельскохозяйственной округи – хоры, возникновение Ольвии и других поселений, первоначальное освоение и эксплуатация территории Нижнего Поднепровья (Гилея) с целью способствования экономическому росту зарождающегося Борисфено-Ольвийского полиса, расширение торговой экспансии в Лесостепь, начало выпуска собственных денежных знаков – монет-стрелок под эгидой Аполлона Врача (первая четверть VI в. до н.э.);

4) широкое освоение ионийцами обширной области в Днепро-Березанском бассейне, количественное увеличение гражданской общины (число 7000, по А.С. Русяевой, близко к реальной демографической ситуации в Нижнем Побужье этого времени), обширное заселение Ольвии, возникновение множества поселений по обоим берегам Бугского лимана, расширение жилой застройки Березани, установление окончательного названия и места политического, экономического и культурного центра в регионе – Ολβίη πόλις, утверждение его главным покровителем Аполлона Дельфиния, по предсказанию дидимейского оракула, дальнейшее формирование Ольвийского полиса и его хоры, расширение его взаимоотношений с варварским миром, культурное устройство города – столицы государства (третья четверть VI в. до н.э.).

Как пишет исследовательница, к этому времени «Борисфен, как в силу своих размеров, так, вероятно, и географического положения (в особенности, что касается обширности сельскохозяйственной территории)», не отвечал уже нормам политического, экономического и культурного центра в Нижнем Побужье [Русяєва, 1986 б, с. 50]. Что же касается надписи, то ее цифровая символика с постоянной мультипликацией, на ее взгляд, совпадает с этапами колонизационного процесса в Нижнем Побужье и иносказательно отражает демографическую ситуацию в этом регионе на протяжении почти целого столетия, т.е. в конце VII – конце VI вв. до н.э. [Там же]. Этим, однако, не исключается, что в последней четверти VI – начале V вв. до н.э., особенно после разгрома персами Милета, в Нижнем Побужье появилась новая волна колонистов [Там же]. По А.С. Русяевой, формирование Ольвийского полиса при благоприятном (до первой четверти V в. до н.э.) внешнем факторе, сопровождалось внутренним социально-политическим конфликтом между первопоселенцами и эпойками, который и был разрешен получением Дидимейского оракула [Русяева, 1986 б, с. 52, 63].

Длительный и поэтапный процесс колонизации Нижнего Побужья, согласно А.С. Русяевой, не мог иметь беспорядочный характер. «Постепенное и методическое освоение сравнительно обширной, в основном сельскохозяйственной, зоны[10] вело и к постепенному развитию полиса с его все большим усовершенствованием во всех сферах жизни: экономической, социально-политической и культурной, что в итоге составило целостную государственную систему» [Русяева, 1986, с. 63; см. также: 1990, с. 59].

Вышеприведенная схема греческой колонизации Нижнего Побужья, включавшая четыре последовательных этапа, была расширена и детализирована А.С. Русяевой в работе, посвященной развитию идеологических представлений колонистов [Русяева, 1990, с. 57-60]. Здесь ею был добавлен заключительный (пятый) этап колонизационной деятельности ионийской в регионе, который исследовательница отнесла к последней четверти VI – первому десятилетию V вв. до н.э. подчеркнув, что «в это время происходит формирование границ Ольвийского полиса, укрепление его эноономической и социально-политической системы» [Русяева, 1990, с. 59]. В этой работе А.С. Русяева также отметила, что в течение VI в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье было основано большое количество поселений, среди которых в политическом, экономическом и культурном отношениях с самого начала выделились такие самостоятельные полисы, как Ольвия, Тира и Истрия, подчинившие себе обширные сельскохозяйственные округи. «Причем Ольвия на раннем этапе доминировала в этой области» [Русяева, 1990, с. 40].

Таким образом, по А.С. Русяевой, на раннем этапе развития Березанского поселения (во второй половине VII – первой четверти VI вв. до н.э.) оно являлось политически независимым образованием – полисом, обладавшим собственной сельскохозяйственной округой с налаженным бронзолитейным и железоделательным производством и выпускавшим собственную полисную монету в виде литой бронзовой стрелы – атрибута Аполлона Врача [Русяєва, 1986 а, с. 301; 1986 б, с. 49-50]. Затем, «со второй четверти, а тем более с середины VI в. до н.э.», роль организующего фактора в регионе переходит к Ольвии, сразу основанной еще во второй четверти VI в. до н.э. в качестве городского центра [Русяева, 1986 б, с. 51-52].

В.А. Анохин, напротив, считал, что Ольвия поначалу была одним из рядовых поселений березанской хоры, на территории которой имели обращение стреловидные монеты, сакрально связанные с главным полисным богом – Аполлоном Врачем [Анохин, 1988, с. 134]. Выделение Ольвии из состава березанской хоры началось, по его мнению, около середины VI в. до н.э., и уже примерно в третьей четверти столетия она начала выпускать свой вид денежных знаков –

---

[10] А.С. Русяева предполагала, что в Нижнем Побужье архаического времени в соответствии с колонизационной практикой, помимо полисной хоры, существовала и так называемая ἱερά χώρα, т.е. храмовые земли, которыми, по ее мнению, владела храмовая организация культа Аполлона Дельфиния [Русяева, 1986, с. 63].

т.н. «дельфины», приуроченные Аполлону Дельфинию [Анохин, 1988, с. 134; 1989, с. 8-9]. Вслед за В.В. Рубаном [Рубан, 1981 а, с. 71; 1982, с. 16] В.А. Анохин считал, что они имели хождение на территории к северу от Ольвии, и заключал, что в Нижнем Побужье какое-то время сосуществовали два экономических района, обслуживавшиеся двумя разными формами денег – березанский (стрелы) и ольвийский (дельфины) [Анохин, 1988, с. 134]. Те и другие исследователь считал стихийно сложившимися в среде греческих переселенцев видами частных (либо храмовых) денег [Анохин, 1988, с. 134; 1989, с. 9]. Выдвижение Ольвии в качестве ведущего полиса Нижнего Побужья В.А. Анохин относил лишь к первой четверти V в. до н.э., когда Ольвия, осознав необходимость перевода денежного обращения обоих экономических районов на единую форму денег, начала выпуск первой общегосударственной (полисной) монеты – т.е. «ассов» [Анохин, 1988, с. 134; 1989, с. 13]. Их дату он определял «временем синойкизма» - около 480-470 гг. до н.э. [Анохин, 1989, с. 13], в котором, в отличие от сторонников «варварской» и «стихийной» гипотез, видел основную причину прекращения существования почти всех поселений хоры на рубеже первой – второй четвертей V в. до н.э., поддержав, таким образом, мнение В.В. Лапина [1966, с. 176] и В.В. Рубана [1977, с. 42-44]. В этой связи он писал: «Синойкизм был осуществлен в виде одновременного переселения в Ольвию жителей всех или большей части поселений с наделением свободных правами гражданства и участками земли под застройку и для занятия сельским хозяйством… Проведение синойкизма уже предполагает определенную государственную организацию Ольвии» [Анохин, 1989, с. 13].

В нашей работе того же времени, что и вышерассмотренные, специально посвященной вопросам пространственно-структурного развития античной хоры в Нижнем Побужье VI-II вв. до н.э. [Буйских, 1986], прямо о хоре Борисфена не говорилось. Схема освоения региона, как мы тогда это себе представляли, в наиболее общих чертах выглядела так.

Во второй половине VII – начале VI вв. до н.э. ионийское поселение на Березани, с появлением которого началась греческая колонизация региона, являлось здесь единственным населенным пунктом. На протяжении всего VI в. до н.э. происходил процесс освоения греками прибрежной материковой зоны. Постепенно берега Бугского, Днепровского и Березанского лиманов покрылись густой сетью сельских поселений. В начале VI в. до н.э. возникло и ольвийское поселение.

Для этого периода говорить о хоре как о составной части Ольвийского государства нет оснований, поскольку оно само находилось еще в процессе становления. К тому же, вопрос о выборе столицы полиса был тогда еще не решен. В силу своего географического расположения группа поселений (или, возможно, система поселений) Березанского лимана была в экономическом и политическом отношении тесно связана с Березанью, тогда как памятники правого берега Бугского лимана тяготели к Ольвии. Возможно, допускали

мы, что на каком-то этапе доминирующее положение в регионе (уже при наличии Ольвии) могла сохранять за собой Березань.

По-видимому, ольвийская полисная хора сформировалась во второй половине VI в. до н.э. [Буйских, 1986, с. 18]. Она имела такие территориальные пределы: на западе – правобережье Березанского лимана, на востоке – левый берег Бугского лимана к северу от Ольвии граница хоры проходила на широте современного г. Николаева, на юге – ее фиксировало Ягорлыцкое поселение в районе Гилеи (Кинбурнский п-ов). Хора успешно функционирует во второй четверти V в. до н.э. Затем жизнь на большинстве поселений Нижнего Побужья прекращается. «Ко второй половине – концу V в. до н.э. население полностью сосредоточилось в Ольвии и на Березани, составившими единый государственный организм – полис» [Буйских, 1986, с. 18].

Точку зрения, согласно которой жизнь на приольвийских поселениях оборвалась в результате миграционного потока скифов [Доманский, Марченко, 1975], либо даже установления над Ольвией и ее округой особого протектората[11] Скифского царства [Островерхов, 1980, с. 33-34; Виноградов, 1983, с. 400], в этой статье мы отвергли как такую, что не подтверждается абсолютно никакими археологическими данными [Буйских, 1986, с. 21]. В противовес – мы высказали соображение, что известная активизация военно-политической деятельности скифов в Северном Причерноморье после похода Дария в 514 г. до н.э. и, как следствие ее, ухудшение греко-скифских взаимоотношений, могли лишь привести к ускорению строительства надежно защищенного крепостными стенами военного, политического, экономического и культового центра полиса, т.е. Ольвии. По нашему мнению, именно это явилось причиной того, что население оставило сельскую округу [Буйских, 1986, с. 21]. Концентрация всех людских ресурсов полиса в районе Ольвии позволила, на наш взгляд, осуществить интенсивные работы по налаживанию системы водоснабжения, сооружению городских кварталов, зданий социального и общественного назначения и особенно – фортификационных сооружений, т.е. сокращение большой хоры Ольвии было вызвано, на наш взгляд, причинами внутригосударственного, а не внешнего происхождения.

---

[11] Гипотеза о т.н. «скифской угрозе» и вопрос об установлении скифского протектората над Ольвией в качестве одного из решающих аргументов в пользу реального существования которых приводится и факт прекращения жизни на поселениях ольвийской хоры к концу первой трети V в. до н.э., имеют уже достаточно обширную историографию, на обсуждении которой здесь нет ни возможности, ни необходимости останавливаться. Это – задача отдельной специальной работы. Скажем только, что эти идеи в свое время были выдвинуты и развиты в основном представителями московской [Виноградов, 1981, с. 138 сл.; 1981 б, с. 57 сл.; 1983, с. 400 сл.; 1989, с. 82-121] и ленинградской [Марченко, 1979, с. 136; 1993; 1999; Доманский, 1981, с. 159] школ антиковедения. Основные контраргументы исследователей киевской школы, объясняющие процесс запустения хоры Ольвии не внешними, а внутренними причинами развития полиса, даны в работах 1980-90-х гг. В.А. Анохина [Анохин, 1989, с. 11-13, 15-17], А. С. Русяевой [1992, с. 125-127], С.Д. Крыжицкого и Н.А. Лейпунской [Крижицький, 1998, с. 97-100; Крыжицкий, Лейпунская, 1997, с. 23-24; 1999, с. 94-97; 1999 а, с. 152-154].

Помимо меня, о существовании в Нижнем Побужье архаического времени только единственной, т.е. ольвийской хоры, писала также Н.А. Лейпунская в известной работе об экономике ранней Ольвии [Лейпунская, 1979]. Она считала, что вторая половина VI в. до н.э. была своеобразным этапом «накопления сил» Ольвийского полиса, постепенного роста его экономики и внутреннего благосостояния. Этим целям были подчинены и торговые связи, и производственная деятельность и «сельскохозяйственная округа Ольвии» [1979, с. 128], в которой, по мнению исследовательницы, Ольвия имела все необходимое для развития своей экономики.

Сельские поселения, которые возникали параллельно с развитием Ольвии, располагались на периферии полисных земель. Кроме населения хоры, отмечала Н.А. Лейпунская, и жители города уже в VI в. до н.э. имели источники получения сельскохозяйственной продукции за его пределами [1979, с. 127]. В этой статье Н.А. Лейпунская резко выступила против отношения ряда поселений Нижнего Побужья к варварским и, в соответствии с этим, против включения их в сферу внешней торговли Ольвии. Она недвусмысленно высказалась в пользу того, что такие известные нижнебугские поселения, как, например, Широкая Балка, Закисова Балка и Петуховка, определенно «входили в состав хоры Ольвии» [Лейпунская, 1979, с. 126].

Вторая половина VI в. до н.э., по Н.А. Лейпунской, подготовила тот качественный «взрыв», который наблюдается в Ольвии в начале V в. до н.э. Однако, наряду с явной картиной процветания города, развития ремесел, укрепления внешних связей, заметного возрастания роли торговли, как было подчеркнуто автором, - «одновременно происходит и иной процесс – резкое сокращение хоры Ольвии» [1979, с. 129]. По мнению исследовательницы, этот факт привел к развитию торговых отношений Ольвии с районами Приднепровья.

В следующей своей работе, развивая тему определения экономических основ колонизационного процесса в Нижнем Побужье, Н.А. Лейпунская коснулась и некоторых важных аспектов освоения здесь аграрной зоны. Согласно ее представлениям, в конце VII – начале VI вв. до н.э. Березань была единственным греческим поселением в регионе. Другие, еще «единичные» поселения появляются близ нее лишь в начале VI в. до н.э. [Лейпунская, 1981, с. 150-151]. В течение второй – третьей четвертей шло постепенное, но активное заселение берегов Березанского лимана. Этот процесс, имея направление с запада на восток, со временем охватил весь Днепро-Бугский район. Его основой «было необходимое для поселенцев освоение нового пространства с целью создания достаточно высокого уровня земледельческой экономики, оформления «экономического ландшафта», упрочение базиса античного общества на новом месте» [Там же, с. 150]. Основным направлением интенсивного развития экономики новых поселений «могло быть и было земледелие» [Там же, с. 151].

Поселения VI в. до н.э. в регионе не отличались от синхронной им Ольвии ни по характеру застройки, ни по облику материальной культуры, ни по особенностям

быта, ни по числу жителей. Не отличалась от них и Ольвия, будучи разве что «несколько более крупным поселком» [Там же, с. 153]. Такая ситуация сохранялась до рубежа VI - V вв. до н.э. Однако, подчеркнула Н.А. Лейпунская, если ольвийское поселение постепенно росло и во второй половине VI в. до н.э. уже резко превосходило (судя по росту площади города и плотности застройки) «все остальные места обитания колонистов», то «поселения хоры, в общем, оставались в тех же границах – очевидно, их размеры были оптимальными для данного экономического сообщества» [Там же]. В то же время «сельскохозяйственная продукция многочисленных античных поселений Ольвийского района этого времени могла уже полностью обеспечить потребности города» [Там же].

В другой работе, исследуя особенности экономического развития Ольвии в позднеархаическое время, Н.А. Лейпунская отмечала, что «к концу VI в. до н.э.» закономерное развитие и расширение экономики Ольвии и поселений ее округи привело к созданию полноценного базиса для оформления и дальнейшего роста аграрного античного полиса с высоким уровнем развития ремесла и обмена» [Лейпунская, 1985, с. 45]. С начала же V в. до н.э. фиксируются изменения как в демографической ситуации, так и во всех отраслях хозяйства Ольвии. В первую очередь, по мнению Н.А. Лейпунской, это нашло отражение в резком изменении облика сельского хозяйства Ольвийского полиса. «В течение первой половины V в. до н.э., - отмечала исследовательница, - исчезает большинство поселений, и территория используемых угодий находится, очевидно, лишь в непосредственной близости от города. В городе возрастает число зернохранилищ. Изменяется даже состав стада. Очевидно, этот вид экономической деятельности испытывает значительные трудности» [Там же, с. 45]. Вместе с тем, синхронно с этим в городе ведется активное строительство, переживает подъем ремесленная деятельность, отмечается укрепление денежного хозяйства, значительно интенсифицируются торгово-обменные отношения Ольвии, особенно с варварским миром Степи и Лесостепи. По мнению Н.А. Лейпунской, это, очевидно, свидетельствует о тех трудностях, которые испытывало в это время сельское хозяйство Ольвийского полиса [Там же, с. 46]. Первые признаки преодоления этих трудностей наблюдаются, по Н.А. Лейпунской, в конце V в. до н.э., полное же возрождение хоры она отнесла к началу IV в. до н.э. [Там же, с. 46].

Вопросов греческой колонизации Нижнего Побужья, в частности, причин и этапов возникновения Березани и Ольвии в ряде своих работ коснулась М.В. Скржинская, в частности, в статье, посвященной происхождению названия Ольвии [Скржинская, 1981]. Согласно ее представлениям, поселение на о-ве Березани было основано милетянами во второй половине VII в. до н.э. и его появление на несколько десятилетий опередило основной колонизационный поток из Милета в Северное Причерноморье [Там же, с. 145]. Ответ на вопрос о конкретной причине массового переселения жителей Милета в колонии около середины VI в. до н.э., по ее мнению, отчасти содержится в сообщении Геродота [Herod. V, 28-29] о том, что за

два поколения до ионийского восстания (500-499 г.) Милет был раздираем распрями, а его хора – разорена.

Следующий этап колонизации региона состоял в том, что на рубеже VII-VI и в первой половине VI вв. до н.э. невдалеке от Березани, а затем по берегам Березанского и Бугского лиманов «возникают новые сельские поселки» [Там же, с. 145]. Такое же поселение существовало сначала и на месте Ольвии. Впоследствии там образовался «центр новых переселений», который назвали Милетополем (милетским городом). Так, по мнению М.В. Скржинской, можно объяснить известное сообщение Плиния [Plin. NH IV, 82-83] о древнейшем названии Ольвии. И, наконец, во второй половине VI в. до н.э. сюда было решено перенести центр государства. Этот акт, закреплявший «рождение нового, более обширного государства», как предположила исследовательница, по логике вещей должен был быть санкционирован Дельфийским оракулом[12], благодаря которому, возможно, оно и получило в итоге наименование Ὀλβίη πόλις [Там же, с. 146]. «Березанское поселение, - пишет М.В. Скржинская, - существовало уже несколько десятилетий, и было известно, какие плодородные земли его окружали, какие огромные, богатые рыбой реки впадают там в Понт, какие это великолепные пути для торговли с населением восточноевропейских степей и сколь мирные отношения сложились у греческих колонистов с соседними кочевниками. Поэтому оракулу легко было одобрить появление нового полиса в этой области Причерноморья и сказать, что счастливая участь суждена не только его основателям, но и их потомкам» [Там же, с. 146].

Несколько слов необходимо сказать и о работах Ю.И. Козуб. Специально никогда не занимавшаяся проблемами хоры, она вместе с тем в 1960-70-х гг. исследовала памятник, который многими исследователями активно использовался и используется в их исторических реконструкциях ранней истории как Ольвии, так и ее сельской округи. Речь идет об ольвийском предместье (или предградье), где в ходе многолетних раскопок были открыты земляночные сооружения жилого, хозяйственного и культового назначения позднеархаического – классического времени [Козуб, 1975; 1976; 1979; 1979 а]. По мнению исследовательницы, предместье сформировалось на основе поселения конца VI – начала V вв. до н.э., значительно разрослось и было подвергнуто перестройке в середине V в. до н.э., а наиболее интенсивную жизнь переживало в середине – второй половине V в. до н.э., прекратив существование на рубеже V-IV вв. до н.э. [Козуб, 1979, с. 316-317; 1979 а, с. 3, 4, 7, 32-33].

На основе результатов многолетних раскопок и интерпретации значительного массива вещественного материала Ю.И. Козуб пришла к весьма убедительному и важному выводу о греческом характере всего комплекса

[12] Это М.В. Скржинская предполагала теоретически. Впоследствии же полученные новые конкретные материалы дали основание говорить о том, что обращение к оракулу действительно имело место, только не к Дельфийскому, а Дидимейскому [Русяева, 1986 б, с. 29 сл.; 1990, с. 58].

Ольвийского предместья[13]. Она подчеркнула, что теснейшие связи предместья с городом, схожесть всех сторон их материальной и духовной культуры свидетельствуют о том, что «предместье являлось составной частью Ольвийского полиса, представляя неразрывное единство с территорией собственно города, некрополя, ближней и дальней сельскохозяйственной хоры» [Козуб, 1979, с. 322; ст. также: Козуб, 1979 а, с. 29, 34].

Результаты разработок киевской школы античной археологии в 1970-80-х гг. нашли отражение в согласованном коллективном мнении ведущих исследователей хоры по рассматриваемой проблеме. В кратком, предварительном варианте оно было апробировано сначала в небольшой статье, подводившей некоторые итоги разведочно-раскопочных работ в Нижнем Побужье [Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, 1980], а затем, более основательно, изложено в двух специальных монографических исследованиях, впервые в отечественной историографии, предметно посвященных хоре Ольвии [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990[14]].

В наиболее общих чертах картина сложения и ранних этапов развития античной хоры в Нижнем Побужье в соответствии с этими работами, выглядит следующим образом:

Во второй половине VII – самом начале VI вв. до н.э. единственным ионийским поселением в Нижнем Побужье являлась Березань (Борисфенида). С его появлением, с момента прибытия сюда греческих переселенцев, исходя из колонизационной практики, можно предполагать возникновение здесь античного государства полисного типа [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, Рубан, 1980, с. 7; Крыжицкий и др., 1989, с. 94]. В таком случае, сельские поселения, хронологически появившиеся в регионе после Березани и располагавшиеся рядом с ней, могут рассматриваться как результат создания березанской хоры [1980, с.7; 1989, с. 94; 1990, с. 42]. На первом же этапе сельская территория была еще не заселена, и какая-то ее часть эксплуатировалась жителями Березани [1989, с. 20].

Начало активного освоения сельской округи в Нижнем Побужье относится к первой половине VI в. до н.э., когда появляются Ягорлыцкое поселение с ярко выраженной ремесленной направленностью и первые аграрные поселения на берегах Березанского лимана. Эти поселения, очевидно,

---

[13] Выводы непосредственной исследовательницы этого интересного памятника вызывают больше доверия, чем построения некоторых его интерпретаторов. Так, в частности, К.К. Марченко предложил для предместья функцию «резервации», устроенной Ольвийским полисом для сохранения своих «сельскохозяйственных рабочих», собранных под стены Ольвии со всех поселений Нижнего Побужья. Не трудно догадаться, что основу этого бесправного социального контингента составляли, по мнению К.К. Марченко, потомки «представителей различных аборигенных племен Северного и Северо-Западного Причерноморья» [Марченко, 1982, с. 135-136]. Возникает естественный вопрос – как тогда быть с многочисленными греческими граффити из комплексов предместья и тем красноречивым фактом, что соотношение групп керамики в синхронных слоях и комплексах и предместья, и самой Ольвии практически идентично [Козуб, 1979 а, с. 29]?

[14] Далее – Крыжицкий и др.

и составили хору Борисфениды [1980, с. 7; 1989, с. 94; 1990, с. 42]. Массовый процесс освоения греками региона начинается со второй четверти VI в. до н.э. и к концу столетия практически заканчивается [1989, с. 20-21]. Освоение сельской территории происходило стихийно – какие-либо признаки регламентации этого процесса отсутствуют [1989, с. 90].

Вырисовывается картина постепенного заселения региона в направлении с запада на восток на протяжении первой – третьей четвертей VI в. до н.э. [1980, с. 7]. К середине VI в. до н.э. сельские поселения распространяются по правому берегу Днепровского, а затем и Бугского лиманов вплоть до Ольвии [1990, с. 42]. Во второй половине VI в. до н.э. поселения достигают широты Николаева, и греки осваивают также левый берег Бугского лимана. Входили ли эти новые поселения в состав хоры Березани, определить трудно [1989, с. 94]. Скорее всего, они связаны уже с Ольвией, которая была основана около второй четверти – середины VI в. до н.э. [1989, с. 21; 1990, с. 42, 120]. В целом вторая четверть VI – первая четверть V вв. до н.э. соответствует времени сложения Ольвии как античного государства [1990, с. 120]. По-видимому, уже в 30-е гг. VI в. до н.э. к ней полностью переходит роль полисного центра в регионе и в основных чертах заканчивается формирование ее хоры [1990, с. 42]. Количество населенных пунктов, основанных в начале V в. до н.э., невелико. Последнюю четверть VI – первую треть V вв. до н.э. в целом можно охарактеризовать как этап максимального развития архаической сельской округи Ольвии, время ее стабилизации, расцвета и закрепления в статусе полисной хоры [1989, с. 22, 94; 1990, с. 42]. Исходя из размеров поселений на хоре, среди них выделяются три основные группы: небольшие хутора (или усадьбы) площадью 0,2 га; поселения средних размеров – от 2-3 до 5-8 га; крупные поселения площадью до 50-80 га [1989, с. 25; 1990, с. 42]. Все три типа отличаются друг от друга лишь различным количеством структурно составлявших их отдельных жилищно-хозяйственных модулей (усадеб). Одна такая «усадьба» занимала в среднем около 0,2 га и включала в себя ряд землянок и полуземлянок, зерновых и хозяйственных ям, цистерн и других подсобных сооружений [1989, с. 29; 1990, с. 42]. Помимо стационарных поселений, выделяется также категория временних сезонных стоянок рыбаков и пастухов.

Примерно на рубеже первой и второй четвертей V в. до н.э. [1980, с.7] или в конце первой трети [1989, с. 22, 94; 1990, с. 42] жизнь на большинстве поселений Нижнего Побужья прекращается. Большая ольвийская хора исчезает, и сельское население почти полностью сосредотачивается в районе Ольвии. Ольвия таким образом становится не только религиозно-политическим, но и демографическим центром всего Нижнего Побужья [1980, с. 7]. Березань же в это время, по-видимому, выполняет, скорее лишь функции морского порта Ольвийского государства.

Концентрация населения ольвийской хоры в районе Ольвии и временное сокращение ее аграрной территории в большей степени следует объяснять не внешними процессами военно-политического порядка, а внутренними, имевшими социально-экономическую подоплеку. Причины коллапса (или редукции)

хоры логичнее искать в самих особенностях развития Ольвийского полиса в колонизационную эпоху. Этот феномен, скорее всего, был связан с завершением процесса формирования Ольвийского государства. Конкретно он вызывался необходимостью неотложных и масштабных работ по устройству урбанистического центра полиса, стремлением сохранить экономический потенциал государства и желанием реорганизовать стихийно сложившуюся в процессе освоения региона хору [1989, с. 94, 140; 1990, с. 42]. Исходя из этого, становится понятной дальнейшая динамика устройства хоры. Ее пространственно-структурное развитие в эпоху классики – эллинизма происходит на базе более четкой упорядоченности и целенаправленности [1989, с. с. 99; 1990, с. 120].

В конце же архаического периода сельская округа Ольвии уплотняется до размеров небольшого пригородного земледельческого района, который был размежеван на клеры и мог обеспечивать хлебом жителей города и предместья [1989, с. 99, 139-140]. Скорее всего, система клеров была сформирована именно на такой территории, размеры которой соответствовали тогдашнему экономическому потенциалу Ольвийского полиса [1989, с. 139-140]. В таком виде хора существует примерно до последней трети V в. до н.э. [1989, с. 99; 1990, с. 75]. Новое освоение приольвийских земель начинается в это время и к рубежу V-IV вв. до н.э. приобретает массовый характер [1989, с. 99; 1990, с. 75], служа показателем неуклонного роста и развития экономического потенциала полиса [1989, с. 140].

В дальнейшем, в 1990-е гг. понятие «хора Борисфена/Березани», схема, по которой в начале колонизационного периода возникает хора Березанского поселения, прежде всего, занимавшая побережье Березанского лимана и которую позднее сменяет значительно более масштабная хора Ольвии, а также приведенные выше основные хронологические этапы становления ольвийской сельской округи в архаическое и раннеклассическое время – получают в работах исследователей киевской школы постоянную прописку. Среди них, прежде всего, необходимо назвать следующие [см. например: Лейпунська, 1991, с. 115; 1991, с. 77; Крижицький, 1994, с. 167 сл., 179 сл.; Крижицький, Крапівіна, Лейпунська, 1994, с. 20-22, 40; Буйских, 1997, с. 6-9; Назаров, 1997, с. 12, 16-18; Крыжицкий, Лейпунская, 1997, с. 22 сл.; Крижицький, Лейпунська, 1998, с. 300 сл.; Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 37-38, 55-57, 83, 90, 91-96; 1999 а, с. 112-119; Крижицький, 1998, с. 69-73; Русяева, 1994, с. 101 сл.; Русяєва, 1998, с. 205-206; 214-217; 1999, с. 400-407; Снытко, 1999; см. также; Vinogradov, Kryzickij, 1995, S. 67 ff.; Kryjickij, 1999, p. 259 ff.; Kryjickij, Bujskih, 1999, S. 67 ff.].

Существенных методологических или фактологических изменений к разработанной в монографических исследованиях 1989 и 1990 гг. концепции в этих работах предложено не было, однако на некоторых затронутых в них «болевых точках» историографии по рассматриваемой проблеме все же имеет смысл остановиться подробнее.

Так, большое внимание вопросам хронологии и периодизации греческой колонизации Нижнего Побужья в цикле работ уделила А.С. Русяева. Период

колонизации «в истории эллинов Нижнего Побужья» она отнесла к промежутку времени от даты основания Борисфена (по Евсевию) – 647/646 гг. до конца переселения сюда ионийцев после разгрома персами Милета в 494 г. до н.э. [Русяева, 1994, с. 100]. Этот период она разделила на два последовательных хронологических этапа с присущими каждому из них особенностями развития.

Первый этап (647/646 гг. – середина VI в. до н.э.) – основание Борисфена – «полиса со всеми элементами экономического обеспечения», поэтапное освоение нового пространства, создание аграрной зоны Борисфена и производственно-ремесленных комплексов Нижнего Поднепровья, проникновение в Лесостепь, расширение торговли со Средиземноморьем и «автохтонами» Лесостепи, выпуск полисной монеты в виде стрелы с символом главного полисного покровителя – Аполлона Врача [Русяева, 1994, с. 100-102].

Второй этап (546 г. до н.э. – первое десятилетие V в. до н.э.) – новая массовая волна колонистов из Ионии после подчинения ее в 546 г. до н.э. персами, значительно пополнившая население Нижнего Побужья [Там же, с. 102]. В третьей четверти VI в. до н.э. новый полис, по предсказанию Дидимейского оракула, получает свое постоянное название «Ольвийский» и обретает нового сакрального патрона – Аполлона Дельфиния. В соответствии с этим монеты-стрелки вытесняются литой монетой в виде дельфина – его атрибута и символа. На этом этапе Ольвией осуществляется систематическое освоение обширной, преимущественно сельскохозяйственной округи, расширение торговли с оседлыми и кочевыми племенами, что ведет «к постепенному усовершенствованию государственной структуры Ольвийского полиса» [Русяева, 1944, с. 103]. Первопоселенцы в данном регионе, по мнению А.С. Русяевой, сами регулировали дальнейшее расселение, принимая в свою общину преимущественно выходцев из Милета и его области» [Там же, с. 103]. Этап заканчивается ок. 494 г. до н.э., когда какая-то часть жителей метрополии переселяется в Ольвию после разгрома персами Милета. С этим процесс колонизации Нижнего Побужья завершается [Там же].

Для самой Ольвии А.С. Русяева также предложила концепцию двухэтапности основания. Нижняя граница начала этого процесса была датирована ею 90-70-и гг. VI в. до н.э. [Русяева, 1995, с. 74; 1998 а, с. 169], когда на месте будущего города появляется первая группа поселенцев и на этой территории возникает небольшая апойкия «искони названная Борисфен, но, вероятно, самими колонистами именовавшаяся Милетополем» [Русяева, 1998 а, с. 169]. Верхняя же граница, т.е. начало второго этапа основания Ольвии, по ее мнению, относится к 60-50м гг. VI в. до н.э. [Русяева, 1995, с. 74; 1998 а, с. 69], когда сюда прибывает новая партия колонистов – первых эпойков, что изменило всю ситуацию в нижнебугском регионе. Это выразилось в переименовании поселения, введении культа нового полисного покровителя и связанного с ним нового денежного знака. Последнее обстоятельство способствовало, по А.С. Русяевой, политическому обособлению Ольвии от других милетских колоний на Понте [1994, с. 102-103; 1998 а, с. 169].

В большом разделе, посвященном Северному Причерноморью во время греческой колонизации, опубликованном во 2-м томе «Давньої історії України», исследовательница отметила, что колонизационная практика греков на раннем этапе обычно проходила две фазы [Русяєва, 1998, с. 203]. *Первая* включала в себя основание апойкии на новых землях, как правило, в месте, имевшем естественную защиту – на островах, полуостровах, мысах и т.п. Через определенное время, с увеличением числа колонистов и подтверждением уверенности в безопасности, начиналась *вторая* фаза – широкое освоение удобных для расселения территорий. Эти фазы колонизационной практики на Понте наиболее выразительно проявились, в первую очередь, в Нижнем Побужье на примере Ольвии и Борисфена, а также на Боспоре [Русяева, 1998, с. 203].

Она считает, что Борисфен был не эмпорием, а самым ранним полисом Северного Причерноморья, основанном, согласно Евсевию, ок. 647/646 г. до н.э. [Там же, с. 203]. При этом в VII в. до н.э. он являлся неким опорным пунктом, «в якому лише якась частина чоловіків займалася торгово-розвідувальною діяльністю» [Там же, с. 214]. Однако, уже в конце VII – начала VI вв. до н.э. здесь произошли существенные изменения – Борисфен стал выпускать свою монету (стрела), он основал поселения на побережье Березанского лимана, составившие в первой половине VI в. до н.э. его хору [Там же, с. 205, 214]. Во второй четверти VI в. до н.э. основывается и поселение на месте будущей Ольвии – как будущий полис и главный центр нижнебугского региона [Там же, с. 206]. Борисфенцам же было подчинено и Ягорлыцкое поселение [Там же, с. 214]. Создание собственной хоры, имевшее целью увеличение производства сельхозпродуктов, по мнению А.С. Русяевой, подтверждает, что экономической основой Борисфена было сельское хозяйство, а не торговля [Там же, с. 214] и он имел «полисно-аграрный институт» [Там же, с. 213].

Максимальную силу Борисфенский полис набрал к середине VI в. до н.э. [Там же, с. 214], однако уже во второй половине VI в. до н.э. главным политическим, экономическим и культурно-религиозным центром Нижнего Побужья с большой сельскохозяйственной округой стала Ольвия [Там же, с. 214]. Борисфенский полис был подчинен более сильному, получившему название ΟΛΒΙΗ ΠΟΛΙΣ [Там же, с. 215-216]. Столь интенсивное развитие региона в продолжение двух основных этапов колонизации стало возможным, как подчеркнула исследовательница, потому что все прибрежные земли в это время не были заселены здесь местным населением [Там же, с. 217].

Кроме того, в другой работе А.С. Русяева высказала сомнение в том, что такой «длительный и поэтапный процесс колонизации Нижнего Побужья вряд ли был беспорядочным и стихийным [1994, с. 103]. Она привела убедительные данные в пользу того, что при наличии в регионе с самого начала социально-политического, экономического и культурного центра полиса, каким была сначала Березань, а затем Ольвия, процесс колонизации мог идти только по установленным еще в метрополии правилам и законам, согласно принятой колонизационной практике и политике формирующегося полиса [Русяева, 1994, с. 103].

Проблемы становления античной хоры в Нижнем Побужье получили дальнейшее освещение в разделе А.С. Русяевой для коллективной монографии по Ольвии (1999 г.). Здесь она, в частности, отметила, что в ходе «милетско-понтийской» колонизации в течение последней четверти VII – VI вв. до н.э. «обширная территория в Днепровско-Березанском бассейне была заселена эллинами» [Русяева, 1999, с. 391]. В этом процессе она выделили два основных этапа: 1) вторая половина VII – первая половина VI вв. до н.э. – появление небольших гражданских общин в основных греческих центрах региона, Ольвии и Борисфене [Там же, с. 399]; 2) третья четверть VI в. до н.э. – массовое переселение ионийцев в Нижнее Побужье [Там же, с. 400]. Массовость колонизационной волны, по ее мнению, во многом объяснялась, с одной стороны, оттоком населения из Ионии в связи с разорением персами милетской хоры, а с другой, «дефицитом в рабочей силе в связи с освоением ольвиополитами и борисфенитами хоры» в Нижнем Побужье [Там же, с. 400].

Ко времени второй волны, как предполагала А.С. Русяева, уже все лучшие земли в ближайшей округе Борисфена и Ольвии были разделены между обосновавшимися здесь ранее колонистами. Поэтому, согласно колонизационной практике, эпойки получили землю только на свободных территориях, т.е. уже отдаленных от центра полиса. С этим она связывает «более позднее возникновение значительно удаленных от Ольвии и Борисфена поселений – особенно к северу от них и на левобережье Буга» [Там же, с. 400]. Следствием этого, на ее взгляд, явилось и возникновение в конце VI – начале V вв. до н.э. ольвийского предместья, т.е. тогда «когда все участки под жилища в городе уже были заняты апойками и первыми эпойками» [Там же, с. 401].

В конце позднеархаического – раннеклассического времени в системе расселения и демографическом потенциале Ольвийского полиса произошли два знаменательных события, которые оказали существенное воздействие на его этно-социальную структуру. Первое, по мнению А.С. Русяевой, выразилось во второй четверти V в. до н.э в «перебазировании» эллинов, обитавших до того на обширной территории в Днепро-Березанском районе, в Ольвию и ее ближайшую округу [Русяева, 1999, с. 407]. Второе же знаменовало собой через полстолетия (в конце V – начале IV вв. до н.э.) обратный процесс, т.е. массовую реколонизацию большой ольвийской хоры. Последняя осуществлялась как за счет внутреннего демографического потенциала полиса, так и с участием переселенцев из метрополии [Там же, с.407].

Краткая схема развития Нижнего Побужья в колонизационный период была дана в работе М.В. Скржинской [1998]. Она подчеркнула, что Борисфен как «первое небольшое поселение» был основан около 647/646 г. до н.э. Кроме того, что он был первым из северопричерноморских колоний, только ему также «посчастливилось сохранить дату своего основания», т.к. время возникновения остальных колоний определяется исключительно по археологическому материалу [Скржинская, 1998, с. 29]. В середине VI в. до н.э. сюда, в Борисфен, прибыла

новая волна колонистов. «Так как им не хватало места на небольшом полуострове с ограниченным запасом питьевой воды, они продвинулись севернее и обосновались в новом центре на берегу Южного Буга (Гипаниса) немного выше его слияния с Днепром» [Скржинская, 1998, с. 27]. Позднее, в V в. до н.э. политический центр региона переместили из Борисфена в Ольвию. К этому времени относится образование Ольвийского государства, в состав которого был включен и Борисфен. Статус самостоятельного полиса, войдя туда, он, однако, не сохранил [Там же, с. 28].

Проблемы формирования Ольвийского государства и связанные с ними процессы становления и развития хоры продолжали занимать в это время одно из центральных мест в работах С.Д. Крыжицкого и Н.А. Лейпунской. В отличие от вышеприведенного мнения А.С. Русяевой о невозможности стихийного характера колонизации Нижнего Побужья, С.Д. Крыжицкий продолжал отстаивать обратное. Так, в разделе об Ольвии коллективной монографии «Античні держави Північного Причорномор'я» он пишет о том, что колонизация была организованной только в отношении Березанского поселения и могла носить здесь торговый характер [Крижицький, 1998, с. 67]. Что же касается Ольвии и тем более окружавших ее поселений, то здесь колонизация была стихийной и носила аграрный характер [Там же]. Во второй – середине третьей четвертях VI в. до н.э. Ольвия, по его мнению, не была ни городом, ни государством, а «просто поселением» и, учитывая ее отдаленность от Березани, не могла входить в состав «організованої березанської хори» [Там же, с. 69]. Позиция автора весьма противоречива. Вслед за этим утверждением говорится о том, что, поскольку Березанское поселение в это время не отличается от других сельских поселений, то руководство процессом колонизации со стороны небольшого «містечка на Березані» представляется ему маловероятным, характер же сельских поселений, которые появляются в эту пору вокруг него, говорит о стихийности процесса колонизации [Там же, с. 69].

В свою очередь, поселения Бугского лимана, которые стали появляться к северу от Ольвии в третьей четверти VI в. до н.э., а также синхронные с Ольвией поселения Днепровского лимана, по мысли С.Д. Крыжицкого, «навряд чи могли складати і хору Ольвії» [Там же, с. 69]. Он исходит из того, что для указанного времени в Ольвии не прослеживается никаких признаков государственности, а структура и застройка сельских поселений носит стихийный характер [Там же]. Положение в регионе изменяется в период между последней четвертью VI – первой четвертью V вв. до н.э. В это время ольвийское поселение приобретает черты, присущие центрам государственных образований, одновременно резко усиливается аграрное освоение региона, и, таким образом, Ольвия становится типичным полисом, «що складався з власне міста та його сільської округи – хори» [Крижицький, 1998, с. 71].

Архаический этап в истории Ольвии завершается в конце первой четверти V в. до н.э., когда население сельских поселений большой хоры сосредотачивается вокруг Ольвии, и приблизительно в это же время за пределами города

возникает предместье [Там же, с. 72-73]. В отличие от сторонников т.н. «скифской военной угрозы», будто бы приведшей к сокращению большой хоры, С.Д. Крыжицкий считает, что причины этого факта нужно искать в другом. По его мнению, они состояли: 1) в необходимости преобразования Ольвии из земляночного поселка в типично античный город, что требовало притока рабочей силы; 2) в понятном желании реорганизовать хору от аморфно и рассредоточено расположенных многочисленных небольших поселений к хорошо организованной и плотно освоенной пригородной хоре в радиусе 5-7 км от города [Там же, с. 73]. О сознательном желании реорганизации большой хоры свидетельствует, согласно автору, тот факт, что и после сокращения здесь все же сохраняется несколько поселений [Крижицький, 1998, с. 73].

Проблем исторического развития ольвийской хоры в самом конце позднеархаического – начале классического периода С.Д. Крыжицкий и Н.А. Лейпунская специально коснулись в работе, подготовленной для «Давньої історії України» [Крижицький, Лейпунська, 1998]. Здесь они, в частности, пишут, что процессы сосредоточения населения большой хоры в городе около второй четверти V в. до н.э. окончательно закрепили социально-экономическое районирование и государственно-политическую структуру Ольвии [Там же, с. 300]. Начиная с этого времени, происходит становление ее как «типового античного міста-поліса з розташованою навколо нього невеликою компактною сільською округою – хорою» [Там же].

О концентрации сельского населения в городе свидетельствует прекращение жизни на большинстве поселений (продолжает функционировать лишь несколько населенных пунктов возле Ольвии), сокращение жилой территории Березанского поселения и возникновение ольвийского предместья [Там же, с. 301]. Однако катастрофическим запустение сельской округи Ольвии не было – ни на одном из поселений не выявлено следов разрушений и пожарищ. Сосредоточение населения хоры в Ольвии не было обусловлено «скифской угрозой» и тем более т.н. «скифским протекторатом» над городом [Там же, с. 301]. В этой связи авторы подчеркивают, что концентрация сельского населения в Ольвии произошла как минимум на два десятка лет раньше, чем начало чеканки монет с именем Эминака, привлекаемой некоторыми исследователями для обоснования идеи скифского протектората, и уж никак не могла быть его следствием [Там же, с. 302].

Наиболее вероятной причиной сосредоточения сельского населения Ольвийского государства в указанное время в его центре авторам представляется потребность внутреннего развития государства. Упадок большой хоры при отсутствии следов скифской военной угрозы, как они считают [Там же], хорошо согласуется с идеей формирования полиса на принципах синойкизма, высказанной в свое время В.В. Лапиным [1966, с. 176]. Объединение независимых сельских поселений, которые стихийно возникали вокруг Ольвии, было обусловлено также желанием их жителей иметь ойкосы в черте самого города,

а именно при синойкизме они могли на это рассчитывать. Многих рабочих рук зависимого или полузависимого населения требовали перестройка города, развитие городского хозяйства, ремесел и т.д. Учитывая вышесказанное, авторы делают вывод, что, начиная со второй четверти V в. до н.э., Ольвия окончательно становится на путь консолидации всех сил для построения независимого полиса [Там же].

Новое массовое освоение большой хоры начинается в конце V в. до н.э. [Там же, с. 305]. А поскольку оно не могло осуществляться только благодаря усилиям самих жителей Ольвии, то есть основания предполагать, что освоение хоры было связано как с внутренней реколонизацией, так и с притоком новой волны эмигрантов из Средиземноморья [Там же, с. 306]. Авторы отвергают другие точки зрения относительно факторов, обусловивших новое освоение хоры, в частности, - интенсивный процесс седентаризации варваров в регионе [Доманский, 1981, с. 162] и ликвидацию скифского протектората и тирании в Ольвии [Виноградов, 1981 а, с. 87-88; 1981 б, с. 59, 65]. Против первого, считают они, свидетельствует характер культуры жителей сельской округи, против второго – большое количество поселений и необходимого для их функционирования населения [Там же, с. 306].

Представляет интерес предложенная авторами структура владений Ольвийского полиса в V – IV вв. до н.э., что включала в себя город, предместье, ближнюю хору (первые две трети V в. до н.э.), дальнюю хору (последняя треть V – первые две трети IV вв. до н.э.) и святилища (Гипполаев мыс, Тендра, Левка и др.) [Там же, с. 308]. Главным собственником земель выступал полис, который на тех или иных правах (аренда, купля-продажа, надел, откуп) передавал землю в пользование общин (храмовые объединения, сельские поселения) или отдельных полноправных граждан. Земля в городе, после выделения участков для теменоса, храмов, агоры, общественных сооружений, разбивалась на ойкопедоны[15], на ближней хоре – на клеры, на дальней хоре – земля выделялась для селищ разного размера, их сельскохозяйственных территорий и усадеб [Там же, с. 308]. Возможно, жители сельских поселений на хоре входили в небольшие общины, которые также контролировали использование земель. Появление в V в. до н.э. небольших отдельно стоящих усадеб [см.: Буйских, 1990; Крыжицкий и др., 1989, с. 122-123] свидетельствует о том, что с этого времени в Нижнем Побужье начался процесс концентрации земель во владении отдельных граждан [Крижицький, Лейпунська, 1998, с. 308].

Возвращаясь к вышерассмотренной работе С.Д. Крыжицкого 1998 г., следует особо отметить, что, не отказываясь в целом от своей идеи о стихийности

[15] Ранее об этом писала А.С. Русяева: «Вследствие колонизационной практики избранная для поселения территория была разделена на ойкопедоны – определенные площади земли под строящийся дом с соответствующими хозяйственными пристройками. При этом, в первую очередь, десятая часть всей территории отводилась под священный участок» [Русяева, 1990, с. 58].

колонизационного процесса в Нижнем Побужье вообще и стихийном формировании как хоры Березани, так и Ольвии в частности [Крыжицкий, 1998, с. 67-69], он все же отмечает, что в конце архаического периода, когда процесс освоения нижнебугских земель приобретает массовый характер, в заселении хоры появляются элементы государственной регламентации [Там же, с. 70]. Эта же мысль была повторена затем и в совместном большом разделе С.Д. Крыжицкого и Н.А. Лейпунской о Нижнем Побужье архаического времени коллективного монографического исследования об Ольвии [1999, с. 91]. В частности, говоря о процессе освоения греками нижнебугского региона, они пишут, что он характеризовался малочисленностью каждой из прибывавших групп колонистов, стихийностью или, по крайней мере, весьма слабой его организацией [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 91; см. также: Крижицький, 1998, с. 70]. И «только в позднеархаическое время, когда процесс формирования хоры расширяется и приобретает массовый характер, можно предполагать появление элементов определенной государственной регламентации заселения сельской округи» [Там же]. В остальном же эта работа во многих положениях повторяет те идеи, что в свое время нашли отражение в «Сельской округе Ольвии» [1989].

Так, авторы говорят о том, что процесс колонизации в Нижнем Побужье мог быть организованным только в отношении Березани. Что же касается Ольвии и особенно окружавших ее поселений, то здесь она носила стихийный характер [Крыжиций, Лейпунская, 1999, с. 37-38]. Хору Березани (Борисфена) составили сельские поселения, появившиеся на берегах Березанского лимана уже во второй четверти VI в. до н.э. [Там же, с. 82]. Ольвия же во второй четверти – середине третьей четверти этого столетия не являлась ни городом, ни государством, а была «просто поселением» [Там же, с. 88]. Поэтому синхронные ей поселения по берегам Днепровского и Бугского лиманов не могли составлять ее хору [Там же, с. 90]. Положение изменяется ко времени около конца третьей – начала последней четвертей VI в. до н.э., к которому относится период окончательного становления Ольвийского государства и вхождение в его состав Борисфена [Там же, с. 90]. Стихийно формирующаяся сельская округа Ольвии составляет ее хору только к рубежу VI-V вв. до н.э. [Там же, с. 91-92]. Архаический этап в жизни Ольвийского государства заканчивается в первой четверти V в. до н.э., когда происходит стягивание населения сельских поселений большой хоры в Ольвию [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 94].

Основная масса поселений хоры «исчезает» не позднее второй трети V в. до н.э. После этого сельская округа ограничивается, главным образом, пригородной зоной, а сельское население сосредотачивается в Ольвии и на Березани [Крыжицкий, Лейпунская, 1999 а, с. 112]. Авторы солидаризируются с мнением В.М. Отрешко [1981, с. 76] о том, что земельные наделы ольвиополитов в это время размещались близ города – между радиальными дорогами, шедшими из Ольвии. Авторы отмечают, что «хотя конкретные следы этих наделов пока не найдены, представить себе процветающую и прогрессивно

развивающуюся Ольвию V в., особенно первой его половины, без какой-либо аграрной зоны трудно» [Крыжицкий, Лейпунская, 1999 а, с. 113]. Одним из поселений такой ближней хоры была, на их взгляд, Широкая балка, располагавшаяся сразу же за южной границей ольвийского некрополя. В причинах же сокращения большой хоры С.Д. Крыжицкий и Н.А. Лейпунская видят «стремление ольвиополитов к ее реорганизации – редукция аморфно и разреженно заселенных земель большой хоры к хорошо организованной и плотно освоенной приольвийской хоре небольшого радиуса» [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 96].

С.Д. Крыжицкий и Н.А. Лейпунская отмечают, что «картина землевладения и землепользования в Ольвии изменялась в течение V в. до н.э. не менее двух раз – резкое сокращение большого сельскохозяйственного района до пределов пригородной хоры в первой трети столетия и начало ее нового расширения с последней трети того же V в. до н.э. [1999, с. 113]. Массовое же, вторичное освоение большой хоры начинается от рубежа V-IV вв. до н.э. [1999 а, с. 113, 155] и носит, по их мнению, постепенный и более замедленный характер, чем в позднеархаическое время [1999 а, с. 155].

Понятие «большая хора» было впервые применено в отношении сельской округи Ольвии в одноименной монографии 1989 г. [Крыжицкий и др., 1989, с. 94, 220]. Там же в качестве главного признака определения ее границ был выбран критерий плотности освоения территории [Там же, с. 9]. Признавая этот критерий, С.Д. Крыжицкий и Н.А. Лейпунская подчеркивают, что именно сплошное освоение земель и определяет большую хору Ольвии [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 93]. Представляет интерес, что в ее составе они структурно выделяют: 1) ближнюю, собственно городскую хору, которая определяется радиусом реально возможной обработки земель жителями города и его пригорода – около 5-7 км; 2) более отдаленные сельские поселения, которые, по их мнению, следует относить «к зоне сферы влияния полиса» [Там же, с. 93].

Границы устанавливаемой в свете вышеизложенного критерия большой хоры Ольвии позднеархаического времени в принципе совпадают с теми, что и были намечены в «Сельской округе Ольвии» [ср.: Крыжицкий и др., 1989, с. 9, 21-22; Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 93]. Единственное отличие – у авторов возникли трудности с определением западной границы ольвийской хоры. По их мнению, ее местоположение определяется только, исходя из гипотезы о том, что к концу позднеархаического этапа Березань уже находилась в составе Ольвийского полиса [Там же, с. 93; см. также: Крижицький, 1998, с. 72]. «В противном случае, - отмечают они, - поселения, в первую очередь, Березанского лимана и, возможно, правого берега Днепровского лимана логично связывать с хорой Березани» [Там же, с. 94]. С этим согласиться нельзя. В позднеархаическое время все сельские поселения Нижнего Побужья, включая и памятники Березанского лимана, а тем более Днепровского лимана, относятся к хоре Ольвии, а не Березани. Этот вопрос достаточно полно и аргументированно освещен в предыдущей литературе, к которой я и отсылаю читателя

[см.: Буйских, 1986, с. 18; Отрешко, 1986, с. 317; Рубан, Урсалов, 1986, с. 47; Рубан, 1988, с. 17; Крыжицкий и др., 1989, с. 94-95; Крыжицкий и др., 1990, с. 42; Буйских, 1997, с. 6].

Мы не можем также согласиться с картиной истории березанской хоры, которая нарисована С.Д. Крыжицким в другой работе [Крижицький, 1994]. По его словам, Березанское поселение, основанное во второй половине (а возможно, и около середины VII в. до н.э.), на определенной стадии своего развития «було полісом, який згодом – можливо наприкінці третьої чверті VI ст. до н.е. – був перенесений до поселення, що одержало назву Ольвія» [Крижицький, 1994, с. 167]. Дальше С.Д. Крыжицкий пишет, что в первой половине VI в. до н.э. на берегах Березанского лимана возникли *многочисленные* (курсив наш – С.Б.) небольшие поселения, которые представляли собой хору Борисфениды [Там же].

В этой связи напомним, что из 107 известных к настоящему времени в Нижнем Побужье населенных пунктов архаического времени [Крыжицкий и др., 1990, с 41] в районе Березанского лимана зафиксировано только 18 [Крыжицкий и др., 1990, с. 18]. Из них к стационарным поселениям относится 7, 1 пункт является святилищем и 10 – сезонными пастушескими стоянками [Крыжицкий и др., 1990, с. 12-18]. Исходя из этих объективных данных, вряд ли можно серьезно говорить о «многочисленности» поселений, составлявших здесь березанскую хору. Тем не менее, по С.Д. Крыжицкому, она полнокровно существует в V в. до н.э., а с конца IV в. до н.э. жизнь в ней замирает на длительное время и возрождается только в первые века нашей эры, хотя уже и никогда не достигает уровня второй половины VI-V вв. до н.э. [Крижицький, 1994, с. 167]. В этой связи следует подчеркнуть, что большинство исследователей считают, что около последней четверти VI в. до н.э. Березань вошла в состав Ольвийского полиса, и ее хора с этого момента стала составной и неотъемлемой частью ольвийской хоры [Отрешко, 1979, с. 156; 1990, с. 14; Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 12-13; Буйских, 1986, с. 18; Рубан, 1988, с. 17; Крижицький, 1989, с. 49; Крыжицкий и др., 1989, с. 22; 1990, с. 42]. Никакими данными о независимой Березани V в. до н.э., IV в. до н.э., и тем более, первых веков н.э., со своей полнокровно функционирующей хорой, наука на сегодняшний день не располагает.

В заключение обзора историографии по киевской школе хотелось бы отдельно отметить работы О.П. Журавлева. Всегда разделявший мнение о существовании в Нижнем Побужье единственной античной сельской округи, а именно – Ольвийской [Журавлев, 1983; 1987; Журавлев и др., 1990], в конце 1990-х гг. он значительно подкрепил и конкретизировал свою точку зрения новыми данными. На основе биометрической обработки остеологического материала, засвидетельствовавшей достоверные отличия между костями крупного рогатого скота из Березани, Ольвии и рядовых античных сельских поселений Нижнего Побужья, исследователь пришел к выводу о наличии здесь в архаическое время нескольких отдельных пород скота, завезенных разными волнами греческих колонистов. По мнению О.П. Журавлева, в ходе первой

из них была основана Березань, позднее появилась Ольвия и некоторые наиболее ранние поселения региона. Наиболее мощной была третья волна второй половины VI в. до н.э., когда, по его мнению, было основано большинство аграрных поселений Нижнего Побужья [Журавлев, 1993, с. 13; 1998, с. 30; 2000, с. 26].

x x x

Таким образом, в 1970-90-е гг., учеными киевской школы отечественного антиковедения в многочисленных статьях, заметках, публикациях, докладах на конференциях, а также в диссертационных и монографических исследованиях активно разрабатывалась проблема становления античного полиса в Нижнем Побужье и его важной составной части – хоры. Максимально используя новые материалы, регулярно поступавшие тогда в распоряжение исследователей в ходе широкомасштабных раскопок и разведок античных поселений региона, они завершили работу своих предшественников по идентификации причерноморской части Нижнего Побужья в качестве *хоры* (земледельческой территории) античного полиса [Буйських, 2007], вначале, по их мнению, Березанского, затем, несколько позднее, Ольвийского. Ими было высказано немало интересных и важных (хотя порою, спорных и даже декларативных) суждений по поводу сложения, принадлежности и ранних этапов ее развития.

Основополагающими в исследовательской деятельности киевской школы по проблемам сложения полиса и хоры в Нижнем Побужье стали работы В.В. Лапина [1966; 1971; 1975; 1978]. Значительный вклад в их разработку внесли А.С. Русяева, С.Д. Крыжицкий, Н.А. Лейпунская, В.В. Рубан, В.М. Отрешко и др. Итогом этого этапа разработки рассматриваемой проблемы как для киевской школы, так и для античной археологии Северного Причерноморья в целом, как представляется, стали два монографических исследования [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990]. Здесь в соответствии с достигнутым уровнем наших знаний была изложена согласованная и оригинальная концепция киевской школы относительно эволюции сельской округи Ольвии.

За исключением некоторых особо дискуссионных моментов, в частности, тезиса о стихийном характере колонизации Нижнего Побужья [критику см.: Марченко, 1994], в остальном эта концепция (в т.ч. и в методологическом плане) была оценена и поддержана коллегами из других научных центров [см. например: Безрученко, 1991, с. 26-27; Паромов, 1991, с. 1; Виноградов, Рогов, 1997, с. 78; Масленников, 1998, с. 277; Марченко, 1999 а, с. 344; Кутайсов, 2001, с. 134, 141; Бутягин, 2001, с. 39, 41; Гаврилов, 2004, с. 67; Зінько, 2005, с. 6; Зинько, 2007, с. 25; Былкова, 2007, с. 20] и прочно вошла в науку. Существенных изменений появившиеся позднее, в 1990-е гг., работы представителей киевской школы в эту концепцию не внесли, подтверждая, детализируя, либо оспаривая лишь ее отдельные стороны.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. К., 1986.
Анохин В.А. Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды (по материалам раскопок 1980-1982 гг.) // АДСП. К., 1988.
Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К., 1989.
Безрученко И.М. Основные итоги изучения истории и культуры Ольвии и ее округи (1980-1989) // ПИКСПАЭ. М., 1991.
Брашинский И.Б. Рецензия на книгу: A. W¹ sowicz. Olbia Pontique et son territoire. Paris, 1975 // СА. 1977. № 3.
Буйских С.Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры (VI-II вв. до н.э.) // Ольвия и ее округа. К., 1986.
Буйских С.Б. Древнейшие античные сельскохозяйственные усадьбы Нижнего Побужья // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Ч. 2. Херсон, 1990.
Буйских С.Б. Античные земледельцы Нижнего Побужья. Николаев, 1997.
Буйських С.Б. Хора Ольвійського поліса (до історії наукової розробки проблеми) // Археологія. 2007. № 1.
Буйских С.Б. Сложение, принадлежность и ранние этапы развития античной хоры в Нижнем Побужье. Часть I. Появление темы и основные аспекты ее решения в 1940-е – середине 1970-х гг. // БИ. 2008. Вып. 19.
Бутягин А.М. Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // БФ. Ч. 1. СПб., 2001.
Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон, 2007.
Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // Stratum + ПАВ. СПб – Кишинев, 1997.
Виноградов Ю.Г. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Виноградов Ю.Г. Варвары в просопографии Ольвии // Цхалтубо-II. Тбилиси, 1981.
Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. (часть I) // ВДИ. 1981 а. № 2.
Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. (часть II) // ВДИ. 1981 б. № 3.
Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // АГ. Т. 1. М., 1983.
Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М., 1989.
Вонсович А. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
Доманский Я.В. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Доманский Я.В. Ольвия и варвары в V в. до н.э. // Цхалтубо-II. Тбилиси, 1981.
Доманский Я.В., Марченко К.К. Некоторые вопросы античной истории Нижнего Побужья // 150 лет ОАМ. Тез. докл. конф. К., 1975.
Журавлев О.П. Животноводство, охота и ландшафтные особенности античного Ольвийского государства // Морфологические особенности позвоночных животных Украины. К., 1983.
Журавлев О.П. Остеологические данные и история животноводства Нижнего Побужья в античное время // Методы естественных наук в археологии. М., 1987.
Журавльов О.П. Історія фауни і тваринництва Нижнього Побужжя в античний час. Автореф. дис… канд.. іст. наук: спец. 07.00.04 – археологія. К., 1993.
Журавльов О.П. Фауна Ольвії // Науковий світ. 1998. № 4.
Журавльов О.П. Мисливство і тваринництво античної Ольвійської держави // Пульсар. 200. № 4.
Журавлев О.П., Маркова Е.В., Сычева Л.В. К истории животноводства Ольвийской сельской округи // Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья. К., 1990.
Захарук Ю.Н. Рецензия на книгу: В.В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966 // СА. 1968. № 4.
Зінько В.М. Сільська округа міст Європейського узбережжя Боспору Кіммерійського (VI-I ст. до н.е.). Автореф. дис.…канд. іст. наук: спец. 07.00.04 – археологія. К., 2006.

Зинько В.Н. Хора городов Европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.) (БИ. Вып. 15). Симферополь – Керчь, 2007.
Козуб Ю.И. Древнейший культовый комплекс Ольвии // ХКААМ. М., 1976.
Козуб Ю.И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. К., 1975.
Козуб Ю.И. Предместье Ольвии // Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV конф. «Эйрене». Ереван, 1979.
Козуб Ю.І. Передмістя Ольвії // Археологія. 1979 а. Вип. 29.
Копейкина Л.В. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Крыжицкий С.Д. О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Крыжицкий С.Д. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Крижицький С.Д. Вивчення античної культури Північного Причорномор'я // Археологія. 1982. Вип. 40.
Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. К., 1985.
Крижицький С.Д. До історії колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. 1989. № 3.
Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. К., 1993.
Крижицький С.Д. Античні держави Північного Причорномор'я // Давня історія України. Кн. 1. К., 1994.
Крижицький С.Д. Ольвія Понтійська // С.Д. Крижицький, В.М. Зубар, А.С. Русяєва. Античні держави Північного Причорномор'я (Україна крізь віки. Т. 2). К., 1998.
Крижицький С.Д., Буйських С.Б. Структура архаїчного поселення Нижнього Побужжя // Археологія. 1988. Вип. 63.
Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков В.М., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. К., 1989.
Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). К., 1990.
Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. К истории ольвийской сельской округи // ИААСП. К., 1990.
Крижицький С.Д., Крапівіна В.В., Лейпунська Н.О. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. 1994. № 2.
Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Ольвия. Раскопки. История. Культура. Николаев, 1997.
Крижицький С.Д., Лейпунська Н.О. Ольвія у другій чверті V ст. до н.е. – 331 р. до н.е. // Давня історія України. Т. 2. К., 1998.
Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Нижнее Побужье в архаическое время // Крыжицкий С.Д., Русяева А.С. и др. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.
Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Нижнее Побужье в классическое время // Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Анохин В.А., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.
Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. К., 1986.
Крижицький С.Д., Русяєва А.С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 1978. вип.28.
Кутайсов В.А. Палеоэкономическая модель развития хоры классического полиса Северного Причерноморья (на примере Керкинитиды) // ПИФК. – М. – Магнитогорск, 2001.
Лапин В.В. Экономическая характеристика Березанского поселения // Античный город. М., 1963.
Лапин В.В. Проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Л., 1963 а.
Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966.
Лапін В.В. Хора Ольвії // Археологія УРСР. Т. II. К., 1971.
Лапин В.В. Проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации // 150 лет ОАМ, Тез. докл. конф. К., 1975.
Лапин В.В. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации. К., 1978 // НА ИА НАНУ. Ф. 24. № 58.
Лейпунская Н.А. О роли торгово-обменных отношений в экономике Ольвии второй половины VI в. до н.э. // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.

Лейпунская Н.А. Экономические основы взаимоотношений Ольвии с местными племенами Северного Причерноморья // Цхалтубо-II. Тбилиси, 1981.
Лейпунская Н.А. Особенности экономического развития Ольвии в V в. до н.э. // ПИО. Парутино, 1985.
Лейпунська Н.О. Становлення античного способу виробництва у Нижньому Побужжі (за археологічними даними). Частина I // Археологія. 1991. № 1.
Лейпунська Н.О. Становлення античного способу виробництва у Нижньому Побужжі (за археологічними даними). Частина II // Археологія. 1991 а. № 3.
Марченко К.К. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Марченко К.К. Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII-V вв. до н.э. // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979 а.
Марченко К.К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1.
Марченко К.К. К вопросу о так называемом предместье Ольвии // ВДИ. 1982. № 3.
Марченко К.К. К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н.э. // ПАВ. 1993. № 7.
Марченко К.К. «Стихийная линия» греческой колонизации или к вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода // ВДИ. 1994. № 4.
Марченко К.К. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V-IV вв. до н.э. // Stratum-Plus. 1999. № 3.
Марченко К.К. Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи // Stratum-Plus. 1999 а. № 3.
Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
Назаров В.В. Древнегреческое поселение на острове Березань. Николаев, 1997.
Островерхов А.С. Этапы и характер греко-скифских экономических связей в Поднепровье и Побужье // ИААЮЗУ. К., 1980.
Отрешко В.М. Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время // НОСА. Ч. II. К., 1975.
Отрешко В.М. Позднеархаические поселения Березанского лимана // ОМАУ. Ч. 1. К., 1976.
Отрешко В.М. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Отрешко В.М. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Отрешко В.М. О клерах Ольвии // АПАИ УССР. Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. К., 1981.
Отрешко В.М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. 1981 а. № 1.
Отрешко В.М. Хора Ольвии // Археология УССР. Т. 2. К., 1986.
Отрешко В.М. Ольвийская хора VI-V вв. до н.э. Автореф. дисс…канд. ист. наук: спец. 07.00.06 – археология. К., 1990.
Отрешко В.М. Демографический потенциал архаических крупных поселений ольвийской хоры // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Херсон, 1990 а.
Отрешко В.М. Про основи економіки Березанського поселення // Археологія. 1994. № 2.
Паромов Я.М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Автореф. дисс… канд.ист. наук: спец. 07.00.04 – археология. СПб., 1994.
Пругло В.И. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Рубан В.В. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени // 150 лет ОАМ. Тез. докл. конф. К., 1975.
Рубан В.В. Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973-1974 гг. // НОСА. Ч. II. К., 1975 а.
Рубан В.В. Рецензия на книгу: A. W¹ sowicz. Olbia Pontique et son territoire. Paris, 1975 // ВДИ. 1977. № 2.
Рубан В.В. Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья // Древние города. Матер. к Всесоюзн. конф. Пенджикент, 1977. Л., 1977 а.
Рубан В.В. Основные этапы ионийской колонизации Западного и Северо-Западного Причерноморья // АИУ в 1976-1977 гг. Тез. докл. XVII конф. ИА УССР. Ужгород, 1978.

Рубан В.В. Динамика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени // Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры. Конф. ВДИ. Тез. докл. М., 1978 а.
Рубан В.В. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации. Матер. II Всесоюзн. симпоз. Тбилиси, 1979.
Рубан В.В. О датировке Ягорлыцкого поселения // ИААСП. К., 1980.
Рубан В.В. Внешнеполитический фактор в истории населения хоры греческого периферийного полиса (на примере Ольвии догетского времени) // АИУ в 1978-1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980 а.
Рубан В.В. Типы античных памятников Правобережья Бугского лимана // АПАИ УССР. Тез. докл. конф. К., 1981.
Рубан В.В. Археологический комплекс поселения Чертоватое-II на Бугском лимане // ПДКСЗП. К., 1981 а.
Рубан В.В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // МХАПУ. К., 1982.
Рубан В.В. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // НАП. К., 1982 а.
Рубан В.В. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время). Автореф. дисс… канд. ист. наук: спец. 07.00.04 – археология. К., 1988.
Рубан В.В. Расселение на территории Северо-Западного Причерноморья в VII-V вв. до н.э. // Первая правобережная краеведческая конф. Тез. докл. Кировоград, 1988 а.
Рубан В.В. Хора Истрии в VII-V вв. до н.э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Херсон, 1990.
Рубан В.В., Урсалов В.Н. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени // ВДИ. 1986. № 4.
Рубан В.В., Урсалов В.Н. Из истории денежного обращения в Нижнем Побужье доримского времени // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990.
Русяєва А.С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я // Археологія. 1979. Вип. 30.
Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К., 1979 а.
Русяєва А.С. До питання про початкове заселення греками Північно-Західного Причорномор'я // УЇЖ. 1979 б.
Русяева А.С. Греческая колонизация Северного Причерноморья // Археология УССР. Т. 2. К., 1986.
Русяева А.С. Борисфен (Березанское поселение) // Археология УССР. Т. 2. К., 1986 а.
Русяева А.С. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986 б. № 2.
Русяева А.С. К проблеме этнической и социально-экономической истории Ольвийского полиса в период архаики // 10-я авторско-читат. конф. ВДИ. Тез. докл. М., 1987.
Русяева А.С. Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии // АДСП. К., 1988.
Русяева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. К., 1990.
Русяева А.С. Исследования Западного теменоса Ольвии (предварительные итоги) // ВДИ. 1991. № 4.
Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. К., 1992.
Русяева А.С. Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ. 1994. № 4.
Русяева А.С. Так когда же ионийцы основали Ольвию? // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Харьков, 1995.
Русяєва А.С. Північне Причорномор'я під час грецької колонізації // Давня історія України. Т. 2. К., 1998.
Русяева А.С. К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998 а. № 1.
Русяева А.С. Население Ольвии // Крыжицкий С.Д. и др. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.
Русяева А.С., Мазарати С.Н. Археологические исследования у Широкой Балки близ Ольвии // Ольвия и ее округа. К., 1986.
Русяева А.С., Скржинская М.В. Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. 1979. № 4.

Скржинская М.В. О происхождении названия города Ольвии // ВДИ. 1981. № 3.
Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
Славін Л.М. Древньогрецьке поселення на острові Березань // Наукові записки КДУ. 1956. Т. 15. Вип. 6. Історичний збірник № 7.
Снытко И.А. Новые сведения о погребальных сооружениях хоры Ольвии архаического времени // Слов'янський світ та античні традиції. Миколаїв, 1999.
Соловьев С.Л. Архаическая Березань: историко-археологический очерк // АВ. 2000. № 7.
Соловьев С.Л. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб., 2000 а.
*Станицына Г.*А. Личный фонд В.В. Лапина (обзор документов) // BORYSTHENIKA. Тез. чтений к 70-летию В.В. Лапина.- К., 1998.
Тереножкин А.И. Рецензия на книгу: В.В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966 // СА. 1968. № 4.
Шелов Д.Б., Брашинский И.Б. Рецензия на книгу: В.В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966 // ВДИ. 1969. № 3.
Щеглов А.Н. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Яйленко В.П. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Hind J.G.F. Book review on A. W¹sowicz // JHS. 1980. 100.
Kryjickij S.D. Les particularités de la colonisation grecque dans la territoire d'Olbia Pontique // BCH. Suppl. 34. 1999.
Kryjickij S.D., Bujskih S.B. La dymanique d'aménagement du territoire rural d'Olbia Pontique // BCH. Suppl. 34. 1999.
Vinogardov Ju.G., Kryzickij S.D. Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordweslichen Schwarzmeerraum.- Leiden, 1995.
W¹sowicz A. Olbia Pontique et son territoire. - Paris, 1975.

S.B.Buiskikh

FORMATION, AND EARLY SYAGES IN THE DEVELOPMENT OF ANCIENT CHORAE IN THE LOWER BUG AREA PART 2

Summary

This part covers the history of the working out the problem by Kyiv school of ancient studies in the last third of the 20th century. The works of V.V.Lapin were basic [1966; 1971; 1975; 1978]. A.S.Rusyajeva, S.d.Kryzhitsky, N.A.Leipunskaya, V.V.Ruban, V.M.Otreshko, etc. have made an important contribution into studying and working out of different aspects of ancient polis and its chora in the Lower Bug area. As the result, two monographic researches devoted to the rural neighbourhood [Kryzhitsky, 1089; Kryzhitsky in 1980]. The conception, according to which early ancient *chora* in the Lower Bug area passed three main stages of evolution has been developed in the article.

At the first stage (the second half of the 7th – the first quarter of the 6th century BC) there was polis Borusthenes with unsettled agricultural zone. Borusthenes got a settled *chora* in the form of some rural settlements at the second stage (the second-the third quarter of the 6th century BC). At the third stage (the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th century BC) Borusthenes belonged to Olbian polis. Its *chora* spread over the territory of the Lower Bug area. Reduction of the *chora* at the end of the first quarter of the 5th century BC was due to the fact that there were objective domestic needs of the Olbian state, connected with the completion of the process of its formation.